

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

ЦЕТАГАНДА

Лоис Макмастер Буджолд
Цетаганда
Серия «Вселенная Майлза
Форкосигана», книга 6

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129019

Цетаганда : [фантаст. роман] / Лоис Макмастер Буджолд: Астрель;

Москва; 2013

ISBN 978-5-271-42804-3

Аннотация

Приключения Майлза Форкосигана продолжаются. На этот раз все начинается вполне невинно – Майлз, вместе с братом Айвеном, отправляется с дипломатической миссией на Цетаганду, где должно состояться погребение Императрицы.

Но дело принимает неожиданный оборот – Форкосиган поневоле ввязывается во внутренние политические интриги местной знати, которые угрожают и безопасности Барраяра.

Чтобы спасти себя и отвести угрозу от родной планеты, Майлз должен найти *настоящих* заговорщиков...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	55
Глава 4	75
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Лоис Макмастер Буджолд

Цетаганда

© Lois McMaster Bujold, 1996

© Перевод. Н. Кудряшев, 1996

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Джиму и Тони

Глава 1

– Это... как его... «Дипломатия есть военное искусство, реализуемое другими людьми», – сказал Айвен. – Или, может, наоборот? «Война есть дипло...»

– «Дипломатия есть продолжение войны другими средствами», – поправил Майлз. – Чжоу Эньлай, XX век, Земля.

– Ты что, в ходячие библиотеки заделался?

– Не я, коммодор Танг. Он великий знаток изречений древних китайцев и заставляет меня их заучивать.

– Интересно, кем он был, этот твой старикашка Чжоу – воином или дипломатом?

Лейтенант Майлз Форкосиган ненадолго задумался.

– Мне кажется, скорее дипломатом.

Импульс ракетных двигателей швырнул капсулу вниз; привязные ремни больно впились в плечи. Майлз с Айвеном сидели лицом к лицу на жестких скамьях, расположенных вдоль бортов короткого фюзеляжа. Майлз вытянул шею, пытаясь разглядеть через плечо пилота поверхность планеты.

Вот она, Эта Кита IV¹, сердце стремительно расширяющейся Цетагандийской империи. Во всяком случае, с точки зрения Майлза, восемь покоренных планет и столько же союзных и марионеточных режимов вполне могли считать-

¹ Латинское название созвездия Кита – Cetus, отсюда – Цетаганда. – *Примеч. ред.*

ся стремительно расширяющейся империей. К тому же цетагандийские гем-лорды не прочь были расширить свои владения и дальше, за счет соседей – будь у них, конечно, такая возможность.

Впрочем, перебрасывать войска они так или иначе могли только через п-в-туннели, по одному кораблю. Как и все остальные.

Именно поэтому кое у кого чертовски здоровые корабли. Пассажирская капсула перемещалась с орбиты имперского курьера на орбиту переходной станции цетагандийцев. Ночная сторона планеты светилась огнями городов. Бесчисленные огоньки покрывали всю поверхность континентов. Майлзу показалось, что в их свете он сможет читать не хуже, чем при полной луне. Да, по сравнению с этой планетой его родной Барраяр казался темной глухоманью. Эту Кита словно облачили в светящиеся кружева. Пожалуй, даже чересчур пышные кружева. «Безвкусица, – попытался он убедить себя. – Я не какая-нибудь деревенщина. Я – лорд Форкосиган, офицер и дворянин».

И разумеется, таким же был и лейтенант лорд Айвен Форпатрил, хотя этот факт не добавлял Майлзу уверенности в себе. Майлз покосился на своего кузена: тот точно так же тянул шею и, облизывая пересохшие губы, жадно смотрел вниз. При всем при том Айвен сохранял внешность офицера-дипломата: аккуратного, подтянутого, с легкой улыбкой на красивом лице. Безупречно сидящий мундир успеш-

но скрывал его неопытность. Повинуясь старой привычке, Майлз невольно сравнивал себя с двоюродным братом.

Собственный же мундир Майлза пришлось шить на заказ, чтобы хоть как-то скрыть те недостатки внешности, которые за все эти годы так и не удалось выправить медикам. И то, можно сказать, они совершили чудо. В результате всех их усилий Майлз был ростом метра полтора, горбат, с поддерживающими накладками на ноге. Зато он мог стоять, ходить и даже – при необходимости – бегать. И Барраярская Имперская служба безопасности, слава Богу, платила ему не за смазливость, а за ум.

И все же он никак не мог отделаться от подленькой мысли, что его послали участвовать во всем этом цирке только для того, чтобы выгоднее оттенять внешность Айвена. Имперская безопасность не давала ему никаких спецзаданий, если, конечно, не считать спецзаданием фразу, небрежно брошенную главой службы Иллианом: «...и не лезь на рожон».

Впрочем, равно вероятно, что и Айвена могли послать с тем, чтобы тот выгодно оттенял интеллект Майлза. От этого Майлзу стало чуть легче.

Орбитальный переходной модуль возник прямо по курсу точно по расписанию. Даже дипломатическому персоналу не позволялось садиться непосредственно в атмосферу Цетаганды: привлекать к себе внимание, оставляя за собой шлейф раскаленной плазмы, считалось дурным вкусом. Правда, напомнил себе Майлз, подобные ограничения су-

ществуют и в других цивилизованных мирах во избежание нежелательных биологических контактов.

– Как ты думаешь, вдовствующая императрица умерла своей смертью? – полюбопытствовал Майлз, несмотря на то что Айвен знал ситуацию не лучше его. – Очень уж она внезапно...

Айвен пожал плечами:

– Она старше твоего деда Петера на целое поколение, а уж он-то был стар с незапамятных времен. Помнится, в детстве я его отчаянно боялся. Вообще в теории насильственной смерти что-то есть, но я так не считаю.

– Боюсь, Иллиан с тобой согласится. В противном случае он послал бы не нас. Будь это не какая-то древняя старуха, а цетагандийский император, все было бы куда интереснее.

– Но тогда бы нас здесь не было, – вполне резонно возразил Айвен. – Мы бы с тобой торчали на каком-нибудь Богом забытом сторожевом посту, а претенденты на престол сводили бы друг с другом счеты. Нам, можно сказать, повезло: путешествия, вино, женщины, музыка...

– Айвен, это ведь похороны.

– Но я хоть имею право помечтать?

– Так или иначе, мы должны наблюдать и доложить обо всем. О ком и о чем, я не знаю. И Иллиан подчеркнул, что ждет письменных донесений.

– Ничего себе каникулы! – простонал Айвен. – Я, Айвен Форпатрил, двадцати двух лет от роду – и меня все равно что

в школу обратно посылают...

До дня рождения Майлза оставалось совсем немного. Если все пойдет, как планировалось, он успеет вернуться домой как раз к торжеству.

Глаза Майлза озорно блеснули.

– Слушай, а ведь сбор информации для развлечения Иллиана может оказаться не таким уж и скучным занятием. Кто сказал, что официальные донесения обязательно должны писаться этим казенным языком?

– Как правило, их составляют казенные умы. Мой кузен, маститый драматург... Не увлекайся, Майлз. У Иллиана на чисто отсутствует чувство юмора, да оно только мешало бы ему в работе.

– Ну, не знаю, право... – Майлз не сводил глаз с надвигающейся громады орбитальной станции. – Интересно было бы познакомиться со старой леди при жизни. Она столько повидала за полтора века... Конечно, со своеобразной точки зрения, из гарема.

– Провинциальных варваров вроде нас к ней ни за что бы не допустили.

– Да, пожалуй, ты прав. – Капсула замедлила ход, пропуская большой цетагандийский корабль с опознавательными знаками одной из сатрапий. – Не иначе сюда собираются все сатрап-губернаторы со своими свитами. Их Имперской безопасности будет чем поразвлечься.

– Да уж, если сюда прибыли два губернатора, остальным

тоже придется показаться. Хотя бы для того, чтобы следить друг за другом. Зрелище хоть куда. Церемония как произведение искусства. Черт, эти цетагандийцы могут даже сморкание превратить в церемониал. Надеюсь только, они дадут мне знать, если я сделаю что не так.

– Знаешь, а ведь это единственное, что позволяет мне считать цетагандийских аут-лордов людьми после всех этих генетических экспериментов.

Айвен скорчил гримасу.

– Мутанты – они и есть мутанты, пусть даже выращенные намеренно... – Он осекся, заметив, как внезапно напрягся кузен, и сделал вид, будто заинтересовался чем-то в иллюминаторе.

– Ну и дипломат из тебя, Айвен, – попытался отшутиться Майлз. – Ты только смотри, не ляпни чего-нибудь там, а то еще ненароком война случится. Ладно? – «Гражданская или...»

Айвен передернул плечами. Пилот, сержант-барраярец в черной форме, плавно подвел капсулу к назначенному причалу. В иллюминаторе ничего не было видно. На панели управления вспыхнули приветственные огоньки, к обшивке с мягким шипением присосалась труба переходного коридора. Майлз с деланным безразличием не спеша освобождался от привязных ремней. Что бы там ни было, он не доставит цетагандийцам удовольствия застать его прижавшим нос к иллюминатору, словно желторотый птенец. Он – Форкоси-

ган. Вот только сердце все равно билось учащенно.

Барраярский посол уже должен ждать высоких гостей: во-первых, встретить согласно этикету; во-вторых, как надеялся Майлз, объяснить, что от них требуется и как себя вести. Майлз торопливо повторил в уме местные приветствия и старательно заученное персональное послание своего отца. Капсула вздрогнула, и правый люк у сиденья Айвена откинулся.

В капсулу ворвался какой-то человек, замер, вцепившись в ручку люка, и, тяжело дыша, уставился на них широко раскрытыми глазами. Его губы чуть шевелились, но что это было – проклятие, молитва или что-то еще, – Майлз не разобрал.

Он был в возрасте, но не стар, широкоплеч и по меньшей мере не ниже Айвена. На нем была форма, как понял Майлз, работника станции: светло-серая с лиловым. Голову украшала пышная седая шевелюра, однако какая-либо растительность на гладком лице – будь то борода, брови или даже ресницы – отсутствовала начисто. Рука его метнулась к левому боку.

– Оружие!

Предупреждающий выкрик Майлза застал врасплох пилота, еще не отстегнувшегося от своего кресла, да и сам Майлз в силу своего физического состояния не мог бросаться на кого-либо. Зато бесконечные тренировки Айвена не прошли даром. Он оторвал руки от подлокотников и прыгнул на

незнакомца.

Рукопашный бой в невесомости всегда непредсказуем, прежде всего из-за необходимости вцепляться мертвой хваткой в противника. Борьба продолжалась недолго. Незнакомец отчаянно тянулся – теперь уже не за пазуху, а к правому карману брюк, однако Айвену удалось выбить нейробластер из его руки.

Серебристая трубка отлетела в дальний угол отсека. Теперь бластер представлял опасность уже для всех находившихся в капсуле.

Майлз всегда побаивался нейробластеров, однако в качестве метательного оружия они ему еще не встречались. Пришлось изрядно потрудиться, пока он наконец выловил предмет, не пристрелив при этом ни себя, ни Айвена. Оружие оказалось меньше стандартного, но от этого не менее опасное.

Айвен тем временем, не отцепляясь от незнакомца, попробовал заломить ему руки за спину. Майлз, улучив момент, попытался обезоружить противника, запустив руку во внутренний карман его куртки. Пальцы нащупали короткий цилиндр, который он принял сперва за электрошоковую дубинку.

Человек взвизгнул и забился. Изрядно напуганный, Майлз инстинктивно оттолкнулся от сцепившейся пары и благополучно угнездился за спиной пилота. По тому, как визжал незнакомец, Майлз решил было, что он вырвал у того блок

питания искусственного сердца или что-нибудь в этом роде. Но нет, тот продолжал бороться, значит, для него это было не так уж и опасно.

Пришелец наконец высвободился из медвежьих объятий Айвена и отлетел к люку. Наступила одна из тех пауз в рукопашной, когда все замирают, чтобы набрать воздуха. Незнакомец уставился на Майлза, все еще сжимавшего в руке цилиндр; он уже не смотрел с ужасом... но что это было, триумф? Вряд ли. Безумное вдохновение?

Оказавшись в явном меньшинстве – пилот выпутался наконец из своих ремней, – незнакомец нырнул в люк и исчез в переходной трубе. Майлз вслед за Айвеном бросился в погоню и как раз успел увидеть, как незнакомец, оказавшись в поле искусственной гравитации станции, лягнул Айвена в грудь массивным башмаком, отшвырнув обратно к люку. Когда Майлз и Айвен распутались, незнакомец уже исчез, только эхо его шагов отдавалось от металлических стен. Какого из коридоров? Пилот капсулы, наскоро убедившись, что его пассажирам хотя бы на время ничего не грозит, вернулся к пульту и связался с диспетчерской.

Айвен поднялся на ноги, стряхнул пыль и осмотрелся по сторонам. Майлз тоже. Ничего особенного: обыкновенный, плохо освещенный грузовой причал.

– Знаешь, – заявил Айвен, – если это был их таможенник, у нас могут быть неприятности.

– Мне кажется, он собирался на нас напасть, – ответил

Майлз. – Очень на то похоже.

– Но ты же не видел оружия, пока не закричал.

– Оружие ни при чем. Глаза. Такие бывают у человека, собирающегося совершить что-то, что его самого пугает до смерти. И ведь он бросился.

– Только после того, как на него бросились мы. Как знать, что он собирался делать?

Майлз медленно повернулся, настороженно осматриваясь. Поблизости не было ни души – ни цетагандийской, ни барраярской, ни какой угодно другой.

– Что-то тут не так. Или он ошибся местом, или мы. Эти задворки не могут быть нашим причалом, тебе не кажется? Где посол? И почетный караул?

– Ну да: красный ковер, танцующие красотки... – вздохнул Айвен. – Подумай сам: если бы он хотел нас убить или захватить капсулу, он ворвался бы с нейробластером на подготовку.

– Никакой это был не таможенник. Посмотри-ка на мониторы, – возразил Майлз. Два монитора на стене были сорваны с креплений и понуро висели на проводах. – Он вырубил их перед тем, как попытался залезть к нам. Ничего не понимаю. Здесь давным-давно должна быть толпа охранников... Так ты думаешь, ему нужны были не мы, а наша капсула?

– Если только ты, парень. Кому нужен я?

– Мне показалось, он испугался нас больше, чем мы его. – Майлз сделал глубокий вдох, успокаивая бьющееся сердце.

– Слушай, говори за себя, – запротестовал Айвен. – Меня-то он напугал как следует.

– Ты сам в порядке? – запоздало спросил Майлз. – Я имею в виду, ребра целы?

– Ну... выживу. А ты?

– В норме.

Айвен покосился на нейробластер в правой руке Майлза, на цилиндр в левой и сморщил нос.

– Ну и что ты будешь с этим делать?

– Не знаю еще. – Майлз сунул маленький нейробластер в собственный карман и поднял загадочный цилиндр поближе к свету. – Я сначала решил было, что это электродубинка, но это что-то другое. Электроника какая-то, хотя не могу понять, что именно.

– Граната, – предположил Айвен. – Бомба с часовым механизмом. Им же можно придать любую форму.

– Не думаю...

– Милорды, – высунулся из люка пилот. – Диспетчерская категорически запретила нам оставаться здесь. Приказывают отойти и ждать. Немедленно.

– Я же говорил, что мы ошиблись причалом, – заявил Айвен.

– Они сами дали мне эти координаты, – запротестовал пилот.

– Я знаю, сержант. Это не ваша ошибка, – успокоил его Майлз.

– Диспетчер торопит. – Сержант явно нервничал. – Прощу вас, милорды.

Майлз и Айвен не стали задерживаться и забрались в капсулу. Майлз автоматически застегивал привязные ремни, а в мозгу теснились версии, объясняющие эту странную встречу.

– Должно быть, эта часть станции совершенно пуста, – произнес он вслух. – Готов поспорить на сколько угодно бетанских долларов, что цетагандийская охранка сейчас прочесывает ее в поисках этого парня. Беглец.

Вор, убийца, шпион?.. Кто угодно.

– Точно, он был заgrimирован, – сообщил Айвен.

– Откуда ты знаешь?

Айвен снял с зеленого рукава мундира несколько седых волосков.

– Волосы искусственные.

– Правда? – восхитился Майлз и взял у Айвена прядь волос. Один ее конец был липким от клея. – Ого!

Пилот тем временем ждал новых координат. Капсула висела в космосе в нескольких сотнях метров от ряда причалов. К дюжине стыковочных узлов в обе стороны от них не было пришвартовано ни одного корабля или катера.

– Я доложу об инциденте в диспетчерскую, милорды? – предложил пилот и потянулся к микрофону.

– Подождите, – произнес Майлз.

– Милорд? – удивленно оглянулся пилот. – Но мы же

должны...

– Подождите, пока они сами спросят об этом. С какой это стати мы должны выполнять работу за цетагандийскую охранку? Это их проблемы.

Едва заметная улыбка дала Майлзу понять, что этот аргумент убедил пилота.

– Да, сэр, – откликнулся тот. – Как скажете, сэр.

– Майлз, – прошипел Айвен. – Что это ты делаешь?

– Наблюдаю, – коротко ответил Майлз. – Мне поручено наблюдать, вот я и хочу посмотреть, как хваленая Цетагандийская служба безопасности справляется со своими обязанностями. Полагаю, Иллиану это будет интересно, верно? Разумеется, в свое время они нас допросят, но так я получу больше информации. Расслабься, Айвен.

Айвен возмущенно откинулся в кресле. Шли минуты, и в капсуле росло напряжение. Майлз осмотрел свои трофеи. Нейробластер оказался дорогой гражданской моделью местного производства. Это само по себе было странно: цетагандийцы не поощряют распространение оружия среди гражданского населения. На корпусе отсутствовал обычный для дорогих игрушек орнамент – бластер был прост и функционален.

Короткий жезл был еще необычнее. Он представлял собой блестящий цилиндр, завернутый в прозрачную оболочку. Он казался чисто декоративным, но Майлз не сомневался: при сильном увеличении будут видны микросхемы. Один

конец этого приспособления был плоским, на втором находилось что-то напоминающее печать.

– Похоже, это куда-то вставляется, – заметил он, поворачивая предмет под лампой.

– Может, это вибратор? – хихикнул Айвен.

– У гем-лордов, конечно, все может быть, – кивнул Майлз. – Хотя вряд ли, не думаю.

Печать на цилиндре изображала хищного вида птицу с выпущенными когтями, но в глубине резной фигуры угадывалась паутина металлических волосков-контактов. Похоже, приложив к печати ключ, можно добиться того, чтобы птица открыла доступ... к чему? К еще одному ключу? Ключ от ключа... Так или иначе, птица была чертовски красива. Майлз восхищенно улыбнулся.

Айвен беспокойно следил за его движениями.

– Но ты ведь вернешь это, правда?

– Конечно. Если попросят.

– А если нет?

– Оставлю на память. Как сувенир. Слишком красивая вещь, чтобы выбрасывать просто так. Может, подарю Иллиану, пусть его шифровальщики поломают голову. На год им развлечения хватит. Это не кустарная игрушка, это даже я понимаю.

И прежде чем Айвен успел возразить, Майлз сунул предмет во внутренний карман. С глаз долой – из сердца вон...

– Кстати, хочешь это? – протянул он кузену нейробластер.

Айвен хотел. Не подумав, что сам тоже становится соучастником преступления, он спрятал его в карман мундира. Ну что ж, решил Майлз, спрятанное оружие поможет ему хранить серьезность на протяжении церемонии официальной встречи.

Наконец диспетчер направил их к новому причалу. Они пристыковались совсем недалеко от причала, к которому подходили в первый раз. На сей раз люк открылся без подключений. Чуть помедлив, Айвен нырнул в переходную трубу. Майлз последовал за ним.

В сером помещении, почти неотличимом от того, куда они попали в первый раз, – разве что чуть почище да посветлее, – их ожидали шесть человек. Майлз сразу же узнал посла Барраяра. Лорд Форобио, крепко сложенный, лет шестидесяти, с пронзительным взглядом и широкой улыбкой на лице, был одет в мундир своего клана – алый с черной отделкой. Его сопровождали четыре охранника-барраярца в зеленой военной форме. Двое служащих орбитальной станции почти не отличались одеждой от первого цетагандийца, только покрой был чуть более замысловатый. Они держались слегка в стороне от барраярцев.

Всего двое служащих? А где же полиция, спецслужбы или на худой конец просто соглядатаи какого-нибудь из местных кланов? Где вопросы и вопрошающие?

Вместо всего этого Майлзу пришлось приветствовать посла так, словно ничего не произошло. Так, как он готовил-

ся. Форобио принадлежал к поколению отца Майлза, точнее, тот назначил его послом еще в годы регентства. Форобио находился на Цетаганде уже шесть лет, пожертвовав военной карьерой ради того, чтобы служить империи на дипломатическом поприще. Майлз подавил импульс отдать честь и отвесил послу положенный легкий поклон.

– Добрый день, лорд Форобио. Мой отец шлет вам личные приветствия и эти послания. – Майлз протянул послу запечатанный конверт с дисками, что было должным образом отмечено цетагандийцами.

– Шесть предметов багажа? – вежливо переспросил цетагандиец, когда пилот переложил их пожитки на антигравитационную платформу, отдал честь и вернулся в капсулу.

– Да, это все, – кивнул Айвен. Насколько мог судить Майлз, Айвен чувствовал себя несколько стесненно: контрабандное оружие жгло ему карман. Впрочем, цетагандийский чиновник вряд ли мог читать выражение лица Айвена так, как его кузен.

Цетагандиец махнул рукой, и посол кивнул охранникам; двое последовали за платформой с багажом в сторону таможи. Цетагандийцы задраили люк.

– Надеюсь, мы получим наши вещи назад? – обеспокоенно прошептал Айвен.

– Рано или поздно. Если все пойдет как положено – почти без задержек, – улыбнулся Форобио. – Как дорога, джентльмены?

– Без приключений, – выпалил Майлз прежде, чем Айвен успел открыть рот. – Вплоть до самого прибытия. Интересно, всех барраярцев направляют на этот причал или нас перенацелили в силу других причин? – Произнося это, он краешком глаза следил за оставшимся цетагандийцем.

Форобио криво усмехнулся:

– Этот причал – резервный. Цетагандийцы давно уже играют в эти игры. Так они напоминают нам о нашем статусе. Вы правы, это делается намеренно, с целью уязвить. Я привык игнорировать это, чего и вам советую.

– Спасибо, сэр. Я непременно последую вашему совету. Гм... вас тоже задержали? Они дали нам пристыковаться и почти сразу же заставили отойти и ждать.

– Сегодня у них хлопотный день. Считайте, что вам была оказана честь. Сюда, прошу.

Стоило Форобио отвернуться, как Айвен бросил на Майлза вопросительный взгляд. Майлз покачал головой:

– Подожди...

В сопровождении внешне невозмутимого цетагандийского чиновника и двух посольских охранников Майлз с Айвеном и Форобио проследовали на другой ярус станции. Посольский челнок был пристыкован к настоящему пассажирскому причалу, оснащённому системой искусственной гравитации, так что никому не пришлось парить в невесомости. Тут они отделались наконец от цетагандийского эскорта. Оказавшись на борту, посол немного расслабился. Он уса-

дил Майлза и Айвена в комфортабельные кресла, расставленные вокруг стола с системами связи. В ожидании багажа охранник предложил им напитки. По примеру Форобио они остановили выбор на старом барраярском вине. Майлз только чуть пригубил, предпочитая сохранить голову ясной, а Айвен с послем завели беседу об их перелете и общих знакомых-форах на родной планете. Похоже, Форобио питал глубочайшее уважение к матери Айвена. Майлз сделал вид, что не замечает молчаливых приглашений кузена присоединиться к их беседе, а может, и рассказать Форобио все об их недавнем приключении.

Черт, но почему цетагандийцев так и не видно? Почему их никто не допрашивает? Майлз проигрывал в уме возможные варианты.

«Это ловушка. Я проглотил наживку, и они просто не спешат тянуть за леску».

Исходя из того, что Майлз знал о цетагандийцах, эта версия стояла в его списке первой.

«А может быть, они просто медленно реагируют и будут здесь вот-вот... Или попозже...»

Ведь беглеца сначала надо изловить и только потом выслушать его версию произошедшего. Это требует некоторого времени, особенно если его, скажем, оглушили при задержании парализатором. Если он в самом деле беглец. И если его в самом деле ищут по всей причальной зоне. И если... Майлз задумчиво покрутил в руках хрустальный бокал, пригубил

рубиновой жидкости и ободряюще улыбнулся Айвену.

Их багаж в сопровождении охранников появился сразу же, как только они покончили с напитками; выходит, Форобио рассчитал все с точностью до минуты. Когда посол вышел отдать распоряжения насчет отлета, Айвен перегнулся через стол и отчаянным шепотом спросил у Майлза:

– Ты что, не собираешься рассказать ему об этом?

– Не сейчас.

– Но почему?

– Тебе что, не терпится лишиться своего бластера? Ручаясь, посольство конфискует его не менее оперативно, чем цетагандийцы.

– К черту. Что ты задумал?

– Ну... не знаю... пока. – До сих пор все развивалось не так, как он предполагал. Он-то ожидал бесконечных допросов со стороны самых различных цетагандийских должностных лиц, в процессе которых те могли в обмен на его трофеи вольно или невольно выдать ему какую-нибудь информацию. Но уж если цетагандийцы плохо справляются со своей работой, это не его вина.

– Мы должны доложить обо всем по крайней мере военному атташе в посольстве.

– Должны. Только не атташе. Иллиан говорил мне, что, если возникнут проблемы – имеются в виду проблемы, представляющие интерес для нашего ведомства, – я должен обращаться к лорду Форриди. Он числится здесь протокольным

офицером, но на самом деле он полковник Имперской службы безопасности и руководит здесь ее деятельностью.

– И цетагандийцы этого не знают?

– Разумеется, знают. Точно так же, как мы знаем, кто есть кто в цетагандийском посольстве в Форбарр-Султане. Это же легальная деятельность, так что тебе нечего беспокоиться. – Майлз подавил вздох: он подозревал, что первым делом полковник изолирует его от всех возможных источников информации и ему нечего будет возразить.

Айвен снова сел, успокоившись. Временно успокоившись – в этом-то Майлз не сомневался.

Вернулся Форобио, уселся в свое кресло и начал шарить в поисках ремней.

– Вот так, милорды. Багаж в сохранности. Добро пожаловать на Эту Кита IV. На сегодня церемоний по поводу вашего прибытия не запланировано. Впрочем, если перелет вас не слишком утомил, посольство Мэрилака устраивает неофициальный прием для всего дипломатического корпуса. Осмелюсь рекомендовать его вашему вниманию.

Да уж, если человек с опытом Форобио рекомендует что-либо, на это действительно стоит обратить внимание.

– Следующие две недели, – продолжал Форобио, – вам предстоит масса встреч с самыми разными людьми. Сегодняшний прием помог бы вам свободнее ориентироваться.

– Что надеть? – поинтересовался Айвен. Четыре из шести чемоданов, что они везли с собой, принадлежали ему.

– Зеленые армейские мундиры, – посоветовал Форобио. – Одежда в некотором смысле служит средством общения повсюду, но здесь это доведено до уровня тайного языка. С гем-лордами трудно общаться, не делая ошибок, а уж с аут-лордами это почти невозможно. В этом отношении нет ничего лучше мундира – если что и не так, то носящий его здесь ни при чем. Я попрошу протокольный отдел дать вам список: какую форму и по какому поводу надевать.

Майлза это вполне устраивало; Айвена совершенно очевидно расстроило.

С обычным приглушенным шипением и клацанием от челнока отошла труба переходного коридора, и он отстыковался от причала. Никто так и не рвался к люку арестовать их, никто не слал на борт угрожающих приказов по радио. Возможно, подумал Майлз, все развивается по третьему сценарию.

«Наш гость сумел уйти. Никто на станции не знает о случившемся. Точнее, об этом не знает вообще никто».

Кроме, разумеется, самого незнакомца. Майлз сдержался и не дотронулся рукой до едва заметной выпуклости на одежде. Чем бы ни была эта штука, тот парень знает, что теперь она у Майлза. И узнать, кто такой Майлз, ему будет достаточно просто.

«Ты у меня на крючке. Стоит мне дернуть за леску, и улов мой».

Какой улов? Вот неплохое упражнение в ремесле раз-

ведчика. Или контрразведчика. И лучше учебного задания: ведь все это происходит в реальности. Приходит время, когда офицер перестает слепо следовать приказам свыше – он сам их отдает. Кстати, продвижение по служебной лестнице Майлзу не помешает. Может, удастся упросить Форриди позволить ему поиграть в эти игры в ущерб дипломатическим обязанностям?

Челнок вошел в ночную атмосферу Эты Кита.

Глава 2

Полуодетый Майлз, сжимая в руке загадочный жезл, бродил по отведенной ему необъятной посольской спальне.

– Если я хочу оставить это себе, что лучше: припрятать эту штуку здесь или взять с собой?

Айвен в безупречно сидящем на нем мундире закатил глаза к потолку:

– Может, ты все-таки прекратишь баловаться с этой штукой и соблаговолишь одеться, пока мы не опоздали? Может, это у них такой грузик на шторах, а кажется чем-то важным и сложным нарочно? Чтобы ты рехнулся в поисках отгадки? Или чтобы я рехнулся, слушая тебя. Шуточки какого-нибудь особо зловредного гем-лорда.

– В таком случае чертовски хитроумная шутка.

– Как знать? – пожал плечами Айвен.

– Нет, – нахмурился Майлз и подошел к комм-пульту. В верхнем ящике обнаружили авторучка и несколько посольских бланков с печатью. Он взял бланк и прижал его к птичьему силуэту на трофейном цилиндрике, затем быстро и точно обрисовал отпечаток. Поколебавшись секунду, он положил цилиндрик в ящик и задвинул его на место.

– Не лучший тайник, – заметил Айвен. – Может, это бомба. Тогда ее вообще лучше вывесить за форточку. Если не ради тебя, так хотя бы ради остальных.

– Черт возьми, никакая это не бомба. И если хочешь знать, я обдумал кучу тайников, и ни один из них не защищен от сканирования, так что разницы все равно никакой. Его бы хранить в свинцовом пенале, которого у меня все равно нет.

– В посольстве наверняка есть. Попроси.

– Верно, только вот лорда Форриди нет в городе. Да не смотри ты на меня так, я здесь ни при чем. Форобио сказал мне, что начальник одной из станций перехода Эты Кита задержал барраярское судно и арестовал капитана. За нарушение таможенных законов.

– Контрабанда? – заинтригованно спросил Айвен.

– Нет, все эти их чертовы законы. Налоги. Пошлины. Штрафы. Причем в размерах, превышающих все мыслимые пределы. Поскольку основной целью нашей политики здесь является нормализация торговых отношений, а Форриди великий мастер разбираться со здешней верхушкой, Форобио и послал его туда, пока сам по уши увяз в официальных мероприятиях. Форриди вернется завтра. Или послезавтра. В любом случае нет ничего страшного в том, что я попробую раскрутить все это сам. Если ничего интересного не обнаружится, я в любой момент могу передать все это офицеру безопасности.

Айвен прищурился:

– А если обнаружится?

– Ну... тогда тоже.

– И расскажешь все Форобио?

– Ну, не совсем. Послушай, Иллиан сказал обращаться к Форриди, значит, к Форриди я и обращаюсь. Сразу, как только он вернется, разумеется.

– Так или иначе, нам пора, – напомнил Айвен.

– Ладно, иду. – Майлз проковылял к кровати, уселся и с отвращением покосился на невинно лежавшие рядом ортопедические станки. – Пора бы мне поменять кости. Не удалось с органикой, попробуем синтетику. Может, удастся уговорить их добавить мне несколько сантиметров роста. Если бы знал, что нас ожидает такая пустая трата времени, я бы уже сделал операцию, за время полета оклемался, а сейчас был бы в боевой форме.

– Ты еще пожалуйся, что старуха императрица не оповестила тебя заранее о своей грядущей кончине, – кивнул Айвен. – Ну-ка, надевай эти чертовы штуковины, а то тетя Корделия обвинит меня в том, что ты переломал себе ноги, споткнувшись о дворцовую кошку. Давай.

Майлз зарычал, но негромко. Кто-кто, а Айвен мог понять его. Он застегнул на своих бог знает сколько раз калеченных ногах холодные стальные браслеты.

По крайней мере мундир скрадывал его ущербность. Он застегнулся, зашнуровал башмаки, пригладил перед зеркалом волосы и поспешил за нетерпеливым Айвеном, но задержался, положил в карман сложенный бланк с рисунком птицы и только после этого вышел из комнаты, заперев дверь прикосновением ладони к панели замка. Чисто символиче-

ская процедура: как агент Имперской безопасности, лейтенант Форкосиган знал, что не следует слишком полагаться на отпечатки руки.

Несмотря на опасения Айвена (а может, и благодаря им), они спустились в вестибюль одновременно с Форобио. На после снова был черно-красный родовой мундир, из чего Майлз заключил, что тот не особо ломает голову над тем, что надевать. Втроем они забрались в ожидавшую их посольскую машину. Форобио уселся в переднее кресло, лицом к своим высокопоставленным гостям. Водитель и охранник разместились в переднем отсеке. Вообще-то машина управлялась центральным городским компьютером, но водитель сидел начеку, готовый в любой момент перехватить управление. Серебристый фонарь кабины опустился, и машина выехала на улицу.

– Можете считать мэрилакское посольство нейтральной территорией, джентльмены. Это означает, что вы не связаны особым этикетом, но и не находитесь в особой безопасности, – предупредил их Форобио. – Развлекайтесь, но знайте меру.

– Там будут цетагандийцы, – поинтересовался Майлз, – или вечер устроен только для иностранцев?

– Аут-лордов не будет точно – они все на траурных церемониях. Да и главы наиболее влиятельных гем-кланов тоже. Гем-лордов рангом пониже могут туда и не пустить: на месяц официального траура они сильно ограничены в социальных

правах. Кстати, мэрилакцы в недавнем прошлом во многом зависели от цетагандийской «помощи». Я уже тогда предупреждал их, что они еще об этом пожалеют. Они полагают, будто Цетаганда не станет нападать на союзника.

Машина спустилась по пандусу, завернула за угол, и перед ними открылся сияющий огнями каньон городской улицы. Огромные здания соединялись паутиной прозрачных переходов и транспортных коммуникаций. Городу, казалось, нет конца – а ведь они еще и не приблизились к центру.

– Мэрилакцы поразительно беспечно относятся к контролю за своими п-в-туннелями, – продолжал Форобио. – Воображают, будто на их границы никто не покусится. Но если Мэрилак окажется захваченным Цетагандой, ей откроется прямая дорога на Сумерки Зоава, стратегическое положение которого даст цетагандийцам возможность значительно расширить свою экспансию. Мэрилак расположен по отношению к Зоаву примерно так же, как Верван по отношению к узлу п-в-туннелей в районе Ступицы Хеджена, а всем нам хорошо известно, что случилось там. – Губы Форобио искривились в невеселой усмешке. – Однако у Мэрилака нет заинтересованного соседа, готового прийти на помощь, как это сделал для Вервана лорд Форкосиган. А организовать провокацию... что может быть проще?

Возбуждение, охватившее Майлза, понемногу улеглось. В словах Форобио не было никакого скрытого смысла. Роль адмирала Форкосигана в отражении попытки цетагандийцев

захватить контролируемые Вержаном п-в-туннели была известна всем. Зато никто не знал о роли, которую сыграл агент Имперской безопасности Майлз Форкосиган, вовремя призвавший адмирала в Ступицу Хеджена. А поскольку этого никто не знал, никто не был ему за это благодарен.

«Эй, послушайте, я – герой. Только не могу об этом рассказать. Засекречено».

Для Форобио, да и для кого угодно другого, лейтенант Майлз Форкосиган был младшим офицером, курьером Имперской службы безопасности, получившим должность по благу, чтобы не путался под ногами. Мутант, одним словом.

– Мне казалось, при Вержане Хедженский союз достаточно потрепал гем-лордов, чтобы те попритихли хотя бы на время, – произнес Майлз. – И наиболее воинственная партия переживает не лучшие времена после самоубийства генерала Эстаниса... это ведь было самоубийство, не так ли?

– Конечно, хотя вряд ли добровольное, – ответил Форобио. – Самоубийства по политическим мотивам бывают у этих цетагандийцев весьма хлопотным делом, особенно когда самоубийца недостаточно содействует этому.

– Тридцать два ножевых ранения в спину, – пробормотал Айвен. – Да, более странного самоубийства я не знаю.

– Совершенно верно, милорд. Однако сложные отношения между командирами из гем-лордов и отдельными тайными фракциями аут-лордов заставляют их преподносить все эти операции в совершенно новом свете. Вержанский кон-

фликт официально именуется результатом самодеятельности отдельных офицеров-авантюристов. Виновные понесли наказание; забудьте.

– И как, интересно, они теперь называют цетагандийское вторжение на Барраяр в годы правления моего деда? – поинтересовался Майлз. – Разведкой боем?

– Вот именно. Если только они вообще упоминают об этом.

– Все двадцать лет конфликта? – спросил Айвен, прилагая огромные усилия, чтобы не расхохотаться.

– Они предпочитают не углубляться в утомительные подробности.

– Вы обсуждали вашу точку зрения на планы цетагандийцев относительно Мэрилака с Иллианом? – спросил Майлз.

– Да, мы постоянно держим вашего шефа в курсе событий. К сожалению, в настоящее время никаких материальных подтверждений моей теории нет. Все это не более чем мои умозаключения. Имперская безопасность предпочитает оперировать фактами.

– Я... это не входит в мою компетенцию, – сказал Майлз. – Ничего не могу сказать.

– Я только хотел, чтобы вы представляли себе ситуацию.

– О да.

– И еще... сплетни всегда контролируются не так тщательно, как следовало бы. Не исключено, что до вас двоих и дойдет что-нибудь. В таком случае постарайтесь сообщить

это моему протокольному офицеру, полковнику Форриди. По возвращении он будет ежедневно встречаться с вами. Сообщайте ему все, что покажется вам заслуживающим внимания.

– Понял? – толкнул Майлз локтем Айвена. Тот только пожал плечами. – И, гм... постараться выдавать не больше, чем узнаешь сам?

– Ну, я в этом отношении совершенно надежен, – с улыбкой признался Айвен. – Я не знаю ничего.

Майлз с безразличным видом пробормотал так, чтобы тот услышал:

– Мы знаем кое-что, Айвен.

Поскольку все инопланетные посольства концентрировались в пределах одного городского района, поездка оказалась недолгой. Машина спустилась на уровень ниже и замедлила ход. Ворота с подземной стоянки открывались прямо в ярко освещенный вестибюль; ощущение того, что находишься под землей, почти отсутствовало благодаря светлой мраморной отделке стен и обилию искусственных растений. Мэрилакские стражники с поклоном проводили барраярцев к лифту. При этом они, несомненно, успели просканировать своих гостей – Айвен, похоже, вздохнул с облегчением, вспомнив про оставленный в посольстве нейробластер.

Лифт поднял их в просторную прихожую, куда открывались несколько ярусов парадных помещений, уже заполненных гостями. В центре зала возвышалась огромная видео-

скульптура – подлинная, не голограмма. Журчащие водяные струи сбегали по горным тропам, по которым при желании можно было прогуливаться. Яркие хлопья, порхая в воздухе, создавали замысловатый лабиринт. По их зеленой окраске Майлз заключил, что они, видимо, изображают земную листву, что при ближайшем рассмотрении подтвердилось. Медленно-медленно цвет листьев начал меняться от разных оттенков зеленого до желтого, оранжевого и красного. Кружась в воздухе, они на мгновения составляли почти неуловимые картины: людские фигуры и лица, сменявшие друг друга под аккомпанемент завораживающей музыки. Майлз был поражен.

– Это что-то новенькое. – Форобио также не остался равнодушным к этой картине. – Как красиво... а, добрый вечер, посол Берно.

– Добрый вечер, лорд Форобио. – Седовласый мэрилакец приветствовал своего коллегу с Барраяра как старого знакомого. – Да, нам это тоже нравится. Это подарок одного из местных гем-лордов. Он оказал нам большую честь. Называется «Осенний листопад». Мои шифровальщики полдня ломали себе голову и в конце концов решили, что ничего, кроме «осеннего листопада», это не означает.

Оба посла рассмеялись. Айвен неуверенно улыбнулся, не уловив смысла шутки. Форобио официально представил их мэрилакскому послу; тот отреагировал на их ранг соответствующими изъяснениями, а на их молодость – пожеланием

чувствовать себя как дома, вслед за чем они были предоставлены сами себе. Спасибо Айвену, мрачно подумал Майлз. Они поднялись по лестнице в буфет, оставив послов приватно беседовать внизу.

Набрав себе закусок, они приступили к выбору напитков. Айвен взял бокал знаменитого мэрилакского вина. Майлз, не забывая о листке в кармане, предпочел кофе. Вслед за этим они разошлись, позволив людскому потоку унести их в разные стороны. Майлз облокотился на парапет, выходящий в лифтовой холл. Потягивая кофе из изящной фарфоровой чашечки, он гадал, куда вмонтирована система подогрева. Ах да, вот: несколько тоненьких металлических нитей, искусно вплетенных в герб посольства. Внизу в зале «Осенний листопад», похоже, подходил к концу цикла. Вода в ручейках замерзала, превращаясь в пятна черного льда. Водоворот красок потускнел до блекло-желтого и серого: цвета зимнего заката. Угадывавшиеся в вихре листьев фигуры – или это вовсе не фигуры? – превращались в мрачные скелетоподобные формы.

Живая музыка зазвучала как чуть слышный шепот. Это не была зима веселых праздников и искрящегося снега. Это была зима смерти. Майлз невольно вздрогнул. Чертовски впечатляюще.

Ну и как он будет задавать вопросы, ничего не выдавая взамен? Он живо вообразил, как пристаёт к какому-нибудь цетагандийскому гем-лорду с вопросом вроде: «Послушай-

те-ка, не терял ли кто-нибудь из ваших миньонов ключа с вот такой печатью?..» Нет, пусть уж лучше те, кого это интересует, сами ищут его. Правда, судя по всему, с этим они не торопились. Майлз вглядывался в лица – без успеха.

Впрочем, Айвен уже нашел красивую женщину, такую красивую, что Майлз зажмурился и только после этого поверил своим глазам. Она была высока и стройна, с лицом и руками гладкими, как фарфор. Украшенные драгоценными камнями ленты перехватывали ее волосы у шеи и еще раз – на талии, а сами волосы ниспадали до колен. Темное свободное платье только подчеркивало гибкость ее фигуры, а мелькавший в прорезях шелк белья гармонировал с цветом синих глаз. Несомненно, это цетагандийская гем-леди: в ее внешности есть что-то от эльфа, чего не бывает, если в крови лишь гены аут-лордов. Да, лицо могло быть и результатом пластической хирургии, но изгиб бровей... такое не подделашь.

Майлз уловил аромат ее духов на расстоянии трех метров. Впрочем, ему не на что надеяться: Айвен целиком захватил инициативу. Глаза его сияли, он оживленно что-то рассказывал, наверняка выставляя себя героем. Что-нибудь про военные учения, этакий доблестный барраярский вояка. Ну что ж, Венера и Марс. Все верно. Конечно, она ему улыбалась.

Нельзя сказать, чтобы Майлз так уж сильно завидовал успеху Айвена у женщин. Вовсе нет! Он только не возра-

жал бы, если бы часть этого везения распространилась и на него. Хотя Айвен утверждает, что каждый должен добиваться успеха самостоятельно. К тому же у него такой характер – он не моргнув снесет дюжину отказов, зато на тринадцатый раз ему улыбнется удача. Что же касалось Майлза, то он полагал, что умрет от разочарования уже при третьей попытке. Может, он и в самом деле моногамен?

«Черт, ты бы сначала достиг хотя бы моногамии, прежде чем замахиваться на нечто большее». До сих пор его увечное тело не вызвало интереса ни у одной женщины. Конечно, его возможности были ограничены: три года тайных операций, мужское окружение в военной академии...

Славное оправдание. Интересно, и почему это на Айвена такие ограничения не действуют?

Элен... Может, в глубине души он продолжает цепляться за недостижимое? При том, что уж ему-то в отличие от Айвена не пристало быть слишком разборчивым, он не видел в этой красавице блондинке из гем-расы чего-то... чего? Глубокого ума, души, жажды странствий? Но Элен избрала другого. Возможно, она права. Пора, давно пора Майлзу искать свое счастье где-то в другом месте. Жаль только, перспективы у него не слишком радужные.

Откуда-то из-за спины Майлза выступил высокий цетагандиец. Лицо совсем молодое; Майлз решил, что он не старше его самого или Айвена. На скуле цетагандийца красовался круглый мазок, точнее наклейка: стилизованный цветной

завиток, символизирующий его клан и ранг. Это был упрощенный вариант раскрасок, покрывавших лица нескольких других присутствовавших в зале цетагандийцев, – авангардистская молодежная мода, несомненно, вызывавшая раздражение у старшего поколения. Может, он собрался спасти свою даму от притязаний Айвена?

– Леди Гелла, – отвесил он легкий поклон.

– Лорд Йенаро? – откликнулась она, чуть наклонив голову, из чего Майлз заключил, что, во-первых, она занимает в гем-сообществе более высокое положение, чем мужчина, и, во-вторых, что он не приходится ей мужем или братом. Значит, Айвену скорее всего ничего не грозит.

– Я вижу, вы нашли-таки галактическую экзотику, за которой охотились, – произнес лорд Йенаро.

Она улыбнулась в ответ. Эффект был совершенно сногшибательный, и Майлз поймал себя на том, что завидует тому, кому она улыбается. Впрочем, на лорда Йенаро, несомненно, привыкшего к общению с гем-леди, это не произвело такого впечатления.

– Лорд Йенаро, это лейтенант лорд Айвен Форпатрил с Барраяра, и... ах? – Ее ресницы чуть приподнялись, намекая на то, что Айвену стоило бы представить Майлза: жест не менее наглядный, как если бы она похлопала Айвена по руке своим веером.

– Мой кузен, лейтенант лорд Майлз Форкосиган, – поспешно произнес Айвен.

– А, гости с Барраяра! – Лорд Йенаро отвесил более низкий поклон. – Счастлив видеть вас.

Майлз и Айвен поклонились в ответ. Майлз постарался, чтобы наклон его головы был на несколько градусов меньше, чем у Айвена: замечательная грация, жаль только, что лорд Йенаро скорее всего не заметил ее.

– Наши семьи исторически связаны, лорд Форкосиган, – продолжал Йенаро. – Знаменитые предки.

Майлз почувствовал волну возбуждения.

«Ох, черт, это ведь какой-то родственник покойного гем-генерала Эстаниса, и он специально прибыл поймать сына Эйрела Форкосигана...»

– Вы ведь внук генерала графа Петера Форкосигана, не так ли?

Тьфу. Древняя история. Майлз перевел дух:

– Совершенно верно.

– Значит, я в некотором роде ваш оппонент. Мой дед был гем-генерал Йенаро.

– О, тот самый командующий той несчастливой... как у вас ее называют? Барраярской экспедицией? Барраярской разведывательной операцией? – оживился Айвен.

– Гем-генерал, проигравший Барраярскую войну, – спокойно ответил Йенаро.

– Право же, Йенаро, стоит ли об этом? – произнесла леди Гелла. Может, она в самом деле хотела дослушать рассказ Айвена?

Майлз мог бы рассказать ей историю и позабавнее – о том, как Айвен на учениях загнал свой взвод в такую грязь, что их пришлось вытаскивать машиной на воздушной подушке...

– Я не сторонник теории персональной ответственности за несчастья, – дипломатично произнес Майлз. – Генералу Йенаро просто не повезло: он оказался последним из пяти гем-генералов, проигравших Барраярскую войну, и тем самым стал козлом отпущения.

– Отлично сказано, – пробормотал Айвен; Йенаро тоже улыбнулся.

– Насколько я понимаю, этот объект в фойе ваш, Йенаро? – спросила дама, очевидно пытаясь спасти беседу от сползания в русло военной истории. – Немного банально, не так ли? Впрочем, моей матери нравится.

– Так, проба пера, – чуть иронично поклонился Йенаро. – Мэрилакцы остались довольны. Истинное наслаждение в том, чтобы учесть предпочтения зрителя. Кстати, отдельные нюансы воспринимаются, только когда проходишь сквозь него.

– Я-то думала, вы специализируетесь на благовониях.

– Я сменил ампулу. Хотя я до сих пор считаю, что обоняние более чутко, чем зрение. Вы просто обязаны позволить мне изготовить вам духи. Этот ваш аромат жасмина никак не идет к такому нарочито заурядному платью, поверьте мне.

Ее улыбка стала слегка натянутой.

– Возможно.

В воображении Майлза тут же послышался лязг рапир и возглас: «Получи, негодяй!» Он изобразил улыбку.

– А по-моему, замечательное платье, – искренне запротестовал Айвен. – И аромат восхитительный.

– Гм, да, кстати, о вашей тяге ко всему экзотическому, – продолжал лорд Йенаро, обращаясь к леди Гелле, – знаете ли вы, что лорд Форпатрил рожден биологически?

Брови девушки удивленно поднялись; на гладком лобике появилась морщинка.

– Все рождаются биологически, Йенаро.

– Вы меня не поняли. Биологически в самом прямом смысле. Из чрева матери.

– У-у-у-у-у. – Она в ужасе наморщила носик. – Право же, Йенаро, сегодня вы несносны. Мать права, вы с вашей ретро-авангардной братией заходите слишком далеко. Боюсь, вам грозит безвестность, а если и слава – то дурная. – Ее гнев был направлен на Йенаро, но Майлз заметил, что она слегка отодвинулась от Айвена.

– На худой конец и это неплохо, – пожал плечами Йенаро.

«А я рожден в репликаторе, – чуть было не заявил Майлз, но промолчал. – Не стоит высовываться. Если не считать мозгов, Айвену повезло больше, чем мне...»

– Спокойной ночи, лорд Йенаро. – Она тряхнула головой и ушла, немало расстроив Айвена.

– Славная девушка, только безмозглая, – пробормотал Йе-

наро, как бы в качестве объяснения, почему без нее лучше. Впрочем, он тоже чувствовал себя неуютно.

– Значит, гм... вы предпочли карьеру художника военной, не так ли, лорд Йенаро? – попробовал возобновить беседу Майлз.

– Карьеру? – Йенаро саркастически скривил губы. – Нет, я всего лишь любитель. Коммерческие соображения убивают истинный вкус. Но я все же надеюсь достичь некоторого положения, хотя и по-своему.

Майлз решил, что последнее говорилось искренне. Они проследили за его взглядом – через парапет, вниз, в фойе, на это подобие фонтана.

– Нет, вы непременно должны посмотреть ее изнутри. Впечатление совершенно другое.

Йенаро довольно тщеславен, подумал Майлз. За его ключей внешностью кроется ранимая душа художника.

– Конечно, – услышал он свой голос.

Йенаро только этого и требовалось, и он, улыбаясь, повел их вниз по лестнице, на ходу излагая идеи, вдохновлявшие его при работе над скульптурой. Майлз заметил в дальнем конце галереи посла Форобио.

– Простите меня, лорд Йенаро. Ступай, Айвен, я догоню.

– О! – Йенаро мгновенно сник.

Айвен проводил Майлза взглядом, полным ярости, – позднее это ему зачтется.

Форобио стоял с дамой, фамильярно положившей руку

ему на локоть. Ей около сорока, решил Майлз; в лице никакой скульптурной искусственности. Она была одета в длинное платье цетагандийского фасона, хотя и проще, чем у леди Геллы. Явно не цетагандийка, но как идут местные орнаменты – темно-красный, кремовый, зеленый – к ее оливковой коже и темным волосам.

– А вот и вы, лорд Форкосиган, – обрадовался Форобио. – Я как раз обещал представить вас. Это Миа Маз, работающая с нашими добрыми друзьями из верванского посольства и время от времени помогающая нам. Рекомендую ее вашему вниманию.

Майлз с улыбкой поклонился:

– Счастлив познакомиться с вами. А чем вы заняты в посольстве, мадам?

– Я помощница начальника протокольного отдела, специализируюсь на вопросах женского этикета.

– Разве это особая наука?

– Здесь – если и не наука, то почти. Я уже не первый год пытаюсь убедить лорда Форобио, что ему совершенно необходимо расширить персонал посольства за счет женщин – именно для этого.

– Но у наших женщин нет необходимого опыта, – вздохнул Форобио, – а вы не соглашаетесь на мои попытки переманить вас. Хотя, видит Бог, я пытался.

– Так возьмите одну неопытную, и пусть она учится, – предложил Майлз. – Возможно, миледи Маз согласится

взять ученицу?

– Ну что ж, это идея... – Форобио выказал вялый энтузиазм. Маз посмотрела на Майлза с одобрением. – Маз, мы еще поговорим об этом позже, а теперь мне надо побеседовать с Вилстаром: он как раз подошел к буфету. Если мне пове- зет, я захвачу его врасплох с набитым ртом. Прошу прощения... – И, исполнив свой долг – представив Майлза, – Форобио дипломатично (а как же еще?) исчез.

Маз переключила внимание на Майлза:

– Я хочу, лорд Форкосиган, чтобы вы знали: если есть что- то, что мы в верванском посольстве могли бы сделать для сына или племянника адмирала Эйрела Форкосигана, мы к вашим услугам.

– Не делайте подобного предложения Айвену, – улыбнулся Майлз. – Он может принять это слишком буквально – в том, что касается лично вас.

Дама вслед за ним посмотрела вниз, где лорд Йенаро вел через свою скульптуру его долговязого кузена. Она лукаво улыбнулась, от чего на ее щеках образовались ямочки.

– Нет проблем.

– Выходит, гм... гем-леди настолько отличаются от гем- лордов, что заслуживают отдельной науки? Хотя, должен признаться, барраярцы изучали гем-лордов в основном че- рез оптические прицелы.

– Всего пару лет назад я бы с презрением посмеялась над подобной милитаристской точкой зрения, но после цетаган-

дийской агрессии... На деле гем-лорды настолько напоминают вас, форов, что вам, я думаю, будет проще общаться с ними, чем нам, верванцам. Вот аут-лорды... это совсем другое дело. А аут-леди – еще менее обычны, насколько я начинаю понимать.

– Женщин аут-лордов так старательно прячут... Они вообще делают что-нибудь? Я имею в виду, зачем им делать что-то, если их никто не видит? У них же нет никакой власти.

– У них есть власть, только специфическая. Не спорящая с властью мужчин. Во всем этом есть свой смысл, только они не объясняют это чужеземцам.

– Низшим расам.

– Можно сказать и так. – Снова ямочки на щеках.

– Кстати, вы, наверно, хорошо разбираетесь в печатях, гербах и тому подобных вещах гем- и аут-лордов? Я, конечно, могу узнать штук пятьдесят клановых знаков, но понимаю, что это так, поверхностно.

– Это тоже своего рода наука; у этих знаков столько нюансов, я не уверена, что знаю их все.

Майлз задумчиво нахмурился, но все же решил не упустить момента. На этот вечер ничего больше не намечалось, это точно. Он вынул из кармана сложенный листок и развернул его на перилах.

– Вам знакомо это изображение? Я обнаружил его в... в одном странном месте. Но это похоже на знак гемов... или аутов...

Она с неподдельным интересом взяла листок.

– Я не могу опознать его прямо здесь. Но вы правы, это цетагандийский стиль. Хотя древний, очень древний.

– Откуда вы знаете?

– Ну, это совершенно определенно личная печать, не знак клана, но рисунок не окружен каймой. Последние три поколения все персональные гербы окружались орнаментом, причем все более и более замысловатым. В принципе по обрамлению можно довольно точно определить десятилетие.

– Ого!

– Если хотите, я могу покопаться в своих архивах.

– Правда? Вы бы мне очень помогли. – Он снова сложил листок и протянул ей. – И еще... я попросил бы вас никому его не показывать.

– О?.. – Она не договорила.

– Простите меня. Понимаете, профессиональная паранойя. – Он покраснел. – Вошло в привычку.

Его спасло возвращение Айвена. Кузен мгновенно оценил привлекательность верванской леди и расплылся в улыбке. Точно такой же, какой он только что улыбался леди Гелле и какой он, без сомнения, будет улыбаться следующей встреченной им девушке. И еще следующей. Гем-скульптор все еще цеплялся за него; Майлз представил обоих. Похоже, Маз не встречалась прежде с лордом Йенаро. В присутствии цетагандийца Маз не стала повторять Айвену изъяснения признательности верванцев клану Форкосиганов, но обращалась

к нему не менее дружески.

– Ты определенно должен позволить лорду Йенаро провести тебя через его скульптуру, Майлз, – не без ехидства заявил Айвен. – Скажу тебе, это что-то. Такого нельзя пропускать.

«Я первым нашел ее, черт возьми!»

– Да, конечно, буду очень рад.

– Вы правда согласны, лорд Форкосиган? – воспрянул духом Йенаро.

– Это дар лорда Йенаро мэрилакскому посольству, – прошептал Айвен на ухо Майлзу. – Не упрямясь, Майлз, ты же знаешь, как ревниво цетагандийцы относятся к своему искусству.

Майлз вздохнул и изобразил на лице интерес:

– Пошли?

После соответствующих извинений перед Маз гем-лорд повел его вниз по лестнице в фойе, где они постояли у входа в скульптуру, дожидаясь начала нового цикла.

– Я не слишком разбираюсь в искусстве, чтобы давать оценку... – начал было Майлз во избежание утомительного разговора.

– Не вы один, – улыбнулся Йенаро, – хотя большинство это вовсе не останавливает от критики.

– Мне кажется, все это довольно сложно технически. Вы управляете движением с помощью антигравитации?

– Нет, антигравитация здесь не используется вовсе. Гене-

раторы были бы слишком громоздкими и потребляли бы уйму энергии. Движение листьев осуществляется той же энергией, что заставляет их менять цвет, – так, во всяком случае, мне объяснили мои техники.

– Техники? Мне почему-то казалось, что вы собирали все это своими руками.

Йенаро развел руками – белыми, тонкими, хрупкими – и удивленно посмотрел на них, будто видел в первый раз.

– Ну конечно же, нет. Руки нанимаются. Вот дизайн – это испытание интеллекта.

– Не согласен с вами. Мой опыт говорит мне, что руки неразрывно связаны с мозгом, все равно что еще одно, третье, полушарие. Нельзя действительно познать то, что ты не пробовал своими руками.

– Я вижу, с вами интересно разговаривать. Вам стоит познакомиться с моими друзьями. Послезавтра я устраиваю вечер... как вы считаете?

– Гм, возможно... – На этот вечер вроде не намечалось никаких траурных мероприятий. Возможно, это будет даже интересно: посмотреть, как гем-лорды его собственного поколения общаются без опеки старших; своего рода взгляд в будущее Цетаганды. – В самом деле, почему бы и нет?

– Я пошлю вам приглашение... О! – Йенаро кивнул в сторону фонтана, вновь демонстрировавшего краски лета. – Мы можем идти.

Вид изнутри фонтана-лабиринта, на взгляд Майлза, не

слишком отличался от вида снаружи. Собственно говоря, он был даже менее интересным: форма листьев вблизи уже не казалась такой естественной. Правда, музыка слышалась яснее. Она усиливалась до крещендо по мере того, как меняли цвет листья.

– А теперь вы кое-что увидите, – с нескрываемым торжеством объявил Йенаро.

Все произошло неожиданно. Майлзу потребовалось несколько мгновений для того, чтобы понять, что он чувствует кое-что: зуд и жжение, исходящие от стальных обручей накладок на ногах. Он пытался не обращать на это внимания, но жар усиливался.

Йенаро продолжал заливаться соловьем, демонстрируя различные эффекты.

– А теперь посмотрите сюда... – Перед глазами Майлза поплыли разноцветные круги. Ноги будто кто-то поджаривал.

Майлз закусил губу, пытаясь приглушить рвущийся вопль до крика средней интенсивности, и заставил себя не прыгнуть в воду. Кто знает, может, его там током убьет. За те несколько секунд, что потребовались ему на то, чтобы выбраться из лабиринта, металл накладок раскалился до такой степени, что им вполне можно было кипятить воду. Отбросив приличия, Майлз рухнул на пол и задрал штанины. Он дотронулся до накладок и обжег еще и руку. Он ругнулся сквозь слезы, стиснул зубы и попытался еще. Нако-

нец ему удалось скинуть ботинки, расстегнуть накладки, отшвырнуть их в сторону и скорчиться от нестерпимой боли. От накладок на ногах остались белые в красной кайме полосы ожогов.

Йенаро метался, взывая о помощи. Майлз огляделся по сторонам и обнаружил себя в центре аудитории из полусотни ошеломленных людей. Он прекратил корчиться и уселся, стиснув зубы.

С разных сторон сквозь толпу к нему протискивались Айвен и Форкосиган.

– Лорд Форкосиган! Что случилось?

– Я в порядке, – сказал Майлз. Он был не в порядке, но вдаваться в детали ему не хотелось: не время и не место. Он торопливо спустил штанины, пряча ожоги.

У Йенаро был совершенно ошеломленный вид.

– Что случилось? Боже, я не думал... с вами все в порядке, лорд Форкосиган? Боже!..

– Послушай, какого черта?.. – склонился над ним Айвен.

Майлз прикинул возможную природу случившегося. Не антиграв, безвредно для всех остальных, его беспрепятственно пронесли через охрану посольства. Спрятано на виду у всех? Похоже.

– Я думаю, это какая-то разновидность электромагнитной энергии. Для большинства людей она не представляет опасности. А в моем случае накладки будто сунули в микроволновую печь. Ну, не так страшно, разумеется, но вы понима-

ете... – Улыбаясь, он поднялся на ноги.

Айвен с огорченным лицом уже подобрал с пола его ботинки и проклятые накладки. Майлз не стал забирать все у него – у него не хватало духу прикасаться к ним.

– Вытащи меня отсюда, – прошипел он на ухо Айвену.

Тот понимающе кивнул и исчез в толпе хорошо одетых людей; некоторые уже начали расходиться.

Появился посол Берно и присоединил свой голос к Йенаро:

– Может, вам лучше показаться нашему врачу, лорд Форкосиган?

– Нет, спасибо. Потерплю до дома. Еще раз спасибо. – «И побыстрее, пожалуйста».

Берно обернулся к все еще рассыпающемуся в извинениях Йенаро:

– Боюсь, лорд Йенаро...

– Да-да, конечно, выключите ее. Я пошлю слуг, чтобы они тотчас же демонтировали скульптуру. Я и не представлял... всем остальным это так нравилось... необходимо переделать ее. Или уничтожить, да, уничтожить. Мне так жаль... это так ужасно... – «Конечно, ужасно, не так ли?» Продемонстрировать широкой аудитории его физическую ущербность...

– Нет, нет, не уничтожайте, – забеспокоился посол Берно. – Только ее должен обследовать специалист по безопасности, чтобы переделать или, возможно, повесить предупредительные надписи...

В толпе вновь возник Айвен и подал Майлзу знак. Несколько минут ушло на неизбежные извинения и прощание, после чего Форобио и Айвену удалось проводить Майлза в лифт, а из него – к поджидающей их посольской машине. Майлз с перекошенной от боли улыбкой утонул в мягкой обшивке кресла. Айвен окинул его критическим взглядом, снял с себя китель и набросил на плечи Майлзу – его колодила дрожь. Майлз не сопротивлялся.

– Ладно, посмотрим-ка на ущерб, – скомандовал Айвен. Он положил ногу Майлза к себе на колени и закатал штанину. – Черт, да это должно болеть.

– Должно, – вяло кивнул Майлз.

– Вряд ли это была попытка покушения, – задумчиво сказал Форобио.

– Нет, – согласился Майлз.

– Берно сказал мне, что его сотрудники безопасности обследовали скульптуру перед тем, как установить ее. Конечно, они искали только бомбы и микрофоны. Во всяком случае, они сочли ее безопасной.

– Я не сомневаюсь. Она не могла причинить вреда никому. Только мне.

Форобио уловил мысль мгновенно:

– Западня?

– Если да, то на редкость изощренная, – заметил Айвен.

– Я... я пока не уверен, – заявил Майлз. «Мне стоит оставаться неуверенным. В этом вся прелесть». – Подготовка

должна была занять дни, если не недели. Две недели назад мы и сами не знали, что летим сюда. Когда скульптура появилась в посольстве?

– Если верить Берно, накануне вечером.

– До нашего прилета. – «И до нашего приключения с человеком без бровей. Вряд ли можно связать эти два события». – Когда для нас зарезервировали места на этот вечер?

– Посольство разослало приглашения три дня назад, – ответил Форобио.

– Сжатые сроки, – сказал Айвен.

– Пожалуй, я соглашусь с вами, лорд Форпатрил, – сказал, подумав, Форобио. – Тогда нам лучше считать все это неприятной случайностью?

– Скорее всего, – ответил Майлз.

«Какая там случайность? Меня подловили. Лично меня. Ты знаешь, что началась война, при первых залпах».

Если не считать того, что обычно известно, из-за чего начинается война. И кто тут противник?

«Лорд Йенаро. Клянусь, вечер был потрясающим. Счастлив, что не пропустил его».

Глава 3

– Официальное название резиденции императора Цетаганды – Райский Сад, – сообщил Форобио, – но вся галактика называет его просто Ксанаду. Вы скоро сами увидите почему. Дуви, дай милордам посмотреть.

– Слушаюсь, милорд, – откликнулся юный сержант, сидевший за пультом управления аэрокара, и прикоснулся к клавишам. Посольский аэрокар заложил крутой вираж и нырнул в ущелье между ослепительных сталагмитов городских домов.

– Поосторожнее, Дуви. Мой желудок, понимаешь ли...

– Слушаюсь, милорд. – Водитель убавил скорость до разумных пределов. Они еще немного снизились, обогнули шпиль здания, имевшего на первый взгляд не меньше километра в высоту, и вновь поднялись. Горизонт отодвинулся.

– Ух ты! – выдохнул Айвен. – В жизни не видел таких огромных силовых куполов. Даже не думал, что они бывают такого размера.

– На это уходит энергия целой электростанции, – сказал Форобио. – Только на купол. На интерьер – энергия еще одной.

В лучах утреннего солнца Эты Кита сиял приплюснутый полупрозрачный пузырь километров шести в диаметре. Он лежал в центре города, словно огромное яйцо в миске или

бесценная жемчужина. По периметру купол окружало километровое кольцо парка, потом отсвечивающая серебром улица, потом еще один парк, потом обычная улица, забитая транспортом. От этой улицы радиальными лучами расходились восемь широких проспектов. Центр города. Центр Вселенной, представилось Майлзу. Цетагандийцы знали толк в эффектах.

– Сегодняшняя церемония в некотором роде является костюмированной репетицией заключительной, которая состоится через полторы недели, – продолжал Форобио. – Там будут абсолютно все: гем-лорды, аут-лорды, галактические представители и так далее. Возможно, возникнут организационные паузы. Бог с ними, главное, чтобы не по нашей вине. Я потратил неделю на переговоры относительно вашего места во всем этом.

– Ну и что это за место? – полюбопытствовал Майлз.

– Вы оба займете место, равноценное второразрядным гем-лордам, – пожал плечами Форобио. – Это лучшее, чего я сумел добиться.

В толпе, хотя ближе к передней ее части. Неплохо: можно наблюдать, не слишком выделяясь, заключил Майлз. Все трое – Форобио, Айвен и он сам – были облачены в обычные родовые траурные костюмы с должностными нашивками, вышитыми черным шелком по черной же ткани. Все, как требуют правила: на церемонии ожидалось присутствие самого императора. Обыкновенно Майлз любил форму дома

Форкосиганов, будь то повседневная коричневая с серебром или этот строгий и элегантный траурный вариант. Отчасти эта любовь объяснялась тем, что высокие сапоги позволяли ему обходиться без накладок. Однако сегодня натягивать сапоги на обожженные ноги оказалось... скажем, делом малоприятным. Придется хромать сильнее обычного даже с учетом того, что он под завязку набрался болеутоляющих таблеток.

«Я тебе это еще припомню, Йенаро».

Они приземлились на стоянке у южного входа в купол. Форобио отпустил аэрокар.

– Мы пойдем без охраны, милорд? – с сомнением в голосе спросил Майлз, глядя вслед удаляющемуся аэрокару. В руках он держал длинный футляр из полированного клена.

Форобио покачал головой:

– В Райском Саду только император может позволить себе напасть на кого-то. И если уж он захочет устранить вас там, никакие охранники не помогут.

Очень высокие мужчины в форме Цетагандийской имперской гвардии проводили их через шлюз купола к аэроплатформам с сиденьями, обтянутыми белым шелком – цветом траура. Слуга в бело-серых одеждах помог им занять места. Автоматические платформы одна за другой плавно тронулись над мощенной белым нефритом дорожкой, ведущей куда-то в глубь пышного парка. Тут и там сквозь деревья просвечивали крыши павильонов. Все строения были невысоки-

ми и уединенными за исключением нескольких причудливой формы башен в самом центре магического круга километрах в трех от них. Хотя на Эте Кита стояло солнечное весеннее утро, под силовым куполом царила пасмурная погода, как бы обещающая дождь (который также наверняка не пойдет).

После довольно продолжительной поездки платформы остановились у павильона к востоку от центральных башен. Другой слуга с поклоном пригласил их сойти с платформы и проследовать в здание. Майлз оглядывался по сторонам, стараясь опознать делегации.

Мэрилакцы. Да, седоголового Берно он узнал сразу. Несколько людей в зеленом, должно быть джексопианцы, делегация с Аслунда включала главу государства (даже его сопровождали только два безоружных гвардейца), женщина-посол с Беты в свободном саронге – все направлялись отдать последние почести женщине, которая никогда не встретилась бы с ними лицом к лицу при жизни. Картина, мягко говоря, сюрреалистическая. Майлзу казалось, будто он очутился в зачарованном царстве, и когда они через пару часов выйдут наружу, в окружающем мире пройдет сотня лет. Посольские делегации задержались у входа пропустить кортеж сатрап-губернатора – этот аут-лорд шествовал в сопровождении дюжины гем-гвардейцев с лицами в полной канонической раскраске: оранжевых, зеленых и белых завитках.

Внутреннее убранство павильона оказалось на удивление простым и, на взгляд Майлза, изящным. В нем преобладали

цветы и живые растения с несколькими фонтанами – словно сад запустили внутрь. Открывавшиеся в основное помещение залы были не гулкими, но голос слышался отчетливо. Акустика помещений явно удалась их создателям. Между гостями сновали слуги, предлагавшие еду и питье.

В дальнем конце зала показались две плывущие со скоростью пешехода, неярко светящиеся жемчужным светом сферы, и Майлз впился в них жадным взглядом: он в первый раз видел аут-леди. Если это можно назвать «видел».

За пределами своих покоев аут-леди всегда появлялись только под покровом защитных полей, генераторы которых, как Майлзу говорили, монтировались на гравикреслах. Поля могли иметь любой цвет в зависимости от настроения или обстановки, однако сегодня все они были белыми в знак траура. Аут-леди могли видеть изнутри все, в то время как проникнуть взглядом внутрь не мог никто. Или забраться внутрь, или пробить поле парализатором, плазменным пистолетом, нейробластером, снарядами небольшого калибра или небольшим зарядом взрывчатки. Правда, то же самое поле не давало возможности и стрелять изнутри, но это аут-леди вряд ли было так уж необходимо. В чистой теории это поле можно было рассеять узким гравитационным лучом, но громоздкий гравигенератор превращал это оружие в подобие артиллерии, не давая возможности переносить его в одиночку.

Под покровом защитных полей аут-женщины могли оде-

ваться как угодно. Интересно, заботит ли их это вообще? Может, они облачены в домашнее старье и шлепанцы? Или вообще разгуливают голышом? Как знать?

Высокий пожилой человек в белоснежных одеждах – все аут– и гем-лорды были одеты так – встретил барраярскую делегацию. Лицо его в благородных морщинах казалось почти прозрачным. Судя по тому, что он, забрав у Форобио аккредитационные грамоты, подробно проинструктировал о их месте и очередности действий в предстоящей церемонии, он занимал на Цетаганде должность, эквивалентную придворному мажордому, хотя и с более цветистым названием. По его тону можно было сделать вывод, что он считает всех чужеземцев безнадежно слабоумными, хотя не теряет надежды на то, что, будучи проинструктированы в самых доступных выражениях, они все же имеют шанс не осрамиться.

Он склонил свой ястребиный нос к кленовому футляру.
– Это и есть ваш дар, лорд Форкосиган?

Майлз ухитрился расстегнуть футляр и открыть его, не уронив. Внутри на ложе из черного бархата покоился старый иззубренный меч.

– Этот меч отобран из коллекции моего императора, Грегора Форбарры, специально в дар покойной императрице. Этот самый меч Дорка Форбарра носил в Первой цетагандийской войне. – На самом деле мечей было несколько, но вдаваться в подробности Майлз не собирался. – Бесценная и неповторимая историческая реликвия. Вот документы, под-

тверждающие его подлинность.

– Ого! – Седые брови старого мажордома приподнялись как бы против его воли. Он не без благоговения принял футляр с личным гербом Грегора. – Пожалуйста, передайте благодарность моего августейшего повелителя вашему. – Он чуть поклонился и отошел.

– Ну что ж, это сработает, – довольно заметил Форобио.

– Еще бы, – буркнул Майлз. – Так трогательно, просто сердце разрывается. – Он передал футляр Айвену.

Церемония не начиналась. Организационные задержки, подумал Майлз. Он отошел от Айвена и Форобио в надежде выпить чего-нибудь горячего. Майлз как раз стоял над подносом, выбирая себе что-нибудь погорячее, но не слишком крепкое, когда негромкий голос у его локтя произнес:

– Лорд Форкосиган?

Он повернулся, и у него перехватило дыхание. Низкорослая фигура неопределенного пола и возраста – женщина? – стояла рядом с ним в серо-белой одежде слуги из Ксанаду. Голова ее была лыса, как яйцо; лицо также лишено растительности. Даже бровей.

– Да... мадам?

– Ба, – вежливо поправила она. – С вами желает побеседовать леди. Будьте добры, следуйте за мной.

– Гм... да, конечно.

Она повернулась и молча пошла прочь от толпы. Майлз неуверенно двинулся следом. Леди? Если повезет, это могла

быть и Миа Маз из верванской делегации. У него к ней было несколько неотложных вопросов.

«Никаких бровей? Я ожидал этой встречи... Но здесь?»

Они вышли из зала. Следуя за незнакомкой, Майлз миновал пару коридоров и маленький садик. Влажный воздух глушил почти все звуки, доносившиеся сюда из зала. Они вошли в маленькое здание, с двух сторон открытое в сад. Шаги Майлза отдавались от темного деревянного пола неровным – в такт его хромоте – эхом. В глубине помещения в нескольких сантиметрах от пола парила неярко светящаяся сфера.

– Оставь нас, – послышался голос из шара. Служанка поклонилась и, не поднимая глаз, вышла. Силовое поле искажало голос, и он приобретал низкий, бесцветный тембр.

Пауза затягивалась. Возможно, леди еще не доводилось видеть физически неполноценного человека. Майлз поклонился и ждал, стараясь казаться спокойным и уверенным, а вовсе не пораженным и сгорающим от любопытства.

– Итак, лорд Форкосиган, – наконец послышался голос. – Вот и я.

– Э-э... конечно, – поперхнулся Майлз. – И кто же вы, миледи, под этим хорошеньким мыльным пузырем?

Еще более долгая пауза.

– Я аут Райан Дегтиар. Фрейлина Небесной Госпожи, Прислужница Звездных Ясель.

Еще один цветистый титул, ни черта не говорящий о роде занятий его обладателя. Конечно, Майлз помнил имена всех

гем-лордов из Цетагандийского генерального штаба, всех са-трап-губернаторов и их гем-офицеров, но эти женские аут-штучки были ему совершенно незнакомы. Впрочем, Небесной Госпожой именовали покойную императрицу аут-леди Лизбет Дегтиар, а уж это имя он все-таки знал.

– Так вы родственница покойной вдовствующей императрицы, миледи?

– Да, я принадлежу к ее генному созвездию. В четвертом от нее поколении. Я прослужила ей половину моей жизни.

Значит, приближенная леди. Одна из доверенных служанок старухи императрицы. Высокая должность. Должно быть, она тоже немолода.

– Гм... вы случайно не приходитесь родственницей некому гем-лорду по фамилии Йенаро?

– Кому-кому? – Даже силовое поле не смогло скрыть изумления.

– Не обращайтесь внимания. Пустяк. – Черт, ноги начинали ныть. Похоже, снимать эти чертовы сапоги по возвращении в посольство будет потруднее, чем надевать их. – У меня все из головы не идет ваша служанка. У многих здесь такие же лысины?

– Это не женщина. Это ба.

– Ба?

– Ба – бесполые высшие слуги императора. В правление его Небесного Отца модно было создавать их такими безволосыми.

Ага, бесполое слуги, созданные с помощью генной инженерии. До него доходили слухи о них, по большей части в связи с сексуальными сюжетами, порожденными не столько реальностью, сколько фантазией рассказчика. Так или иначе, про них было известно, что они абсолютно преданы своему господину, фактически создателю.

– Значит... не все ба безволосы, но все безволосые – ба?

– Да... – Еще одна пауза. – Зачем ты пришел в Райский Сад, лорд Форкосиган?

Майлз заломил бровь.

– Представить Баррая в этих обсто... в этой скорбной процессии и поднести вашей покойной госпоже последние дары. Я посланник. Именем императора Грегора Форбарры, которому я служу в меру своих слабых сил.

– Ты смеешься над моей бедой.

– Что?

– Что тебе нужно, лорд Форкосиган?

– Что нужно мне?.. Вы позвали меня сюда, леди, разве не так? – Он с досадой потер шею и попробовал еще раз: – Э-э... не могу ли я случайно помочь вам?

– Ты?!

Ее оскорбленный тон уязвил его.

– Да, я! Я не так... – «Беспомощен, как может показаться». – В свое время мне удалось повернуть одно-два дела. Но если вы не хотите объяснить мне, о чем речь, я не смогу ничего. Скажите мне, и я попытаюсь. В противном случае я

не смогу, разве вы не понимаете? – Он окончательно запутался. – Послушайте, давайте начнем разговор сначала. – Он низко поклонился: – Доброе утро, я лорд Майлз Форкосиган с Барраяра. Чем могу служить вам, миледи?

– Вор!

Наконец-то все начало проясняться.

– О! Нет-нет! Я – Форкосиган, а не вор, миледи. Хотя меня можно назвать получателем украденной собственности, – рассудительно заметил он. – Так сказать, я ее заначил.

Ответом вновь была тишина; возможно, леди не привыкла к воровскому жаргону.

– Вам не приходилось, случаем, терять одну вещь? Цилиндрический электронный прибор с изображением птицы на крышке?

– Он у тебя! – В голосе ее послышался стон отчаяния.

– Ну, не с собой.

Ее голос звучал совсем слабо и хрипло:

– Все равно он у тебя. Ты должен вернуть его мне.

– С радостью, если вы докажете, что он ваш. Я не претендую на право собственности.

– Ты сделаешь это... просто так?

– Ради сохранения доброго имени и... я офицер Имперской безопасности. Ради информации я готов почти на все. Удовлетворите мое любопытство, и сделка совершена.

Ее голос упал до пораженного шепота:

– Ты хочешь сказать, ты не знаешь, что это такое?

Пауза тянулась так долго, что он начал бояться, не скончалась ли старая леди в своем шаре. Из большого павильона донеслась похоронная музыка.

– О, черт... извините. Это чертово шествие начинается, а мне положено быть там в первых рядах. Миледи, как мне связаться с вами?

– Тебе нельзя. – Голос ее стал совершенно бесцветным. – Мне тоже пора. Я пошлю за тобой. – Белый шар приподнялся и поплыл прочь.

– Где? Когда?..

Судя по музыке, шествие готово было вот-вот тронуться.

– Не говори никому об этом!

Он успел поклониться вслед удаляющейся сфере и торопливо заковылял через сад. У него было ужасное чувство, что он опоздал на все на свете.

И когда он вернулся в зал, приблизительно так все и оказалось. Длинная людская цепь тянулась к главному выходу из зала, а от него – к центральным башням. Форобио, лихорадочно оглядываясь, нетерпеливо топтался на месте; в ряду делегаций образовалась заметная брешь. Обнаружив Майлза, он беззвучно, но выразительно пробормотал: «Пошевеливайся же, черт возьми!» Майлз поторопился занять место в процессии, ощущая на себе взгляды всех находившихся в зале.

– Где это ты пропадал столько времени? – отчаянно прошипел Айвен, возвращая ему футляр. – В сортире? Я уж со-

бирался искать...

– Цыц. Потом расскажу. – Майлз не без усилия принял тяжелый кленовый футляр и придал ему более или менее дарственное положение. Миновав дворик, вымощенный резным нефритом, они у самого входа в одно из башнеподобных зданий догнали процессию и заняли свое место.

Они стояли перед огромной гулкой ротондой. Где-то впереди Майлз заметил несколько белых шаров, но под каким из них скрывалась его старая аут-леди, определить не было никакой возможности. Согласно плану церемонии, всем предписывалось медленно обойти саркофаг, преклонить колена, возложить к нему похоронные дары – по спирали, согласно старшинству – и выйти из ротонды через противоположный выход в Северный павильон (для аут-лордов и гем-лордов) или в Восточный павильон (для галактических делегаций), где их ожидало похоронное пиршество.

Однако скорбная процессия остановилась; у стрельчатой арки входа начала образовываться пробка. Спереди, из ротонды, вместо негромкой музыки и шаркающих шагов доносились громкие голоса. Поначалу слышались только тревожные возгласы, потом к ним добавились отрывистые команды.

– Что не так? – забеспокоился Айвен, вытягивая шею. – Кто-то упал в обморок?

Майлз никак не мог ответить на этот вопрос, ибо не видел ничего, кроме спины стоявшего перед ним. Процессия дернулась и тронулась снова. Голова ее достигла входа в ротонду.

ду, но там неожиданно повернула налево. У ступеней стоял гем-офицер, негромко и монотонно повторявший одно и то же: «Пожалуйста, оставляйте дары у себя и следуйте сразу в Восточный павильон. Пожалуйста, оставляйте дары у себя и следуйте сразу в Восточный павильон, мы скоро все организуем. Пожалуйста, оставляйте...»

В самом центре ротонды, выше голов, возлежала на помосте вдовствующая императрица. Даже после смерти чужеземцам не позволялось смотреть на нее. Ее катафалк был окружен полупрозрачным пузырем силового поля, сквозь дымку которого неясно виднелся только ее силуэт. Цепочка гем-гвардейцев в разноцветных формах – судя по всему, их поспешно набрали из свит сатрап-губернаторов – протянулась от саркофага до стены, скрывая от посторонних глаз что-то еще.

Этого Майлз вынести уже не мог.

«В конце концов, не будут же они убивать меня на глазах у всех, верно?»

Он сунул кленовый футляр Айвену и нырнул под локоть гем-офицера, все еще направлявшего процессию в левую дверь. Обаятельно улыбаясь, широко разведя пустые руки, он проскользнул между двумя оцепеневшими от подобной наглости гем-гвардейцами.

По другую сторону катафалка, на месте, предназначавшемся для самого первого подарка от высшего аут-лорда, лежал труп с перерезанным горлом. Огромная лужа свежей

крови залила малахитовый пол и пропитала серо-белую форму лежащего. Откинута в сторону правая рука все еще сжимала тонкий, украшенный драгоценностями нож. Лысая, безбровая мужеподобная фигура, пожилая, но не старая... Даже без фальшивых волос Майлз узнал того, с кем они столкнулись в капсуле, и сердце у него на мгновение замерло от изумления.

«Кто-то повысил ставки в этой игре».

За спиной у Майлза уже возник старший по званию из находившихся в зале гем-офицеров. Даже покрывавшая его лицо раскраска не скрывала застывшей улыбки: человек честно пытался сохранять вежливость по отношению к тому, кого с удовольствием изрубил бы на куски.

– Лорд Форкосиган, не угодно ли будет вам присоединиться к вашей делегации?

– Да, конечно. Кто этот несчастный?

Гем-офицер не прекращал попыток направить его назад – цетагандиец был достаточно умен, чтобы не прикасаться к нему, – и Майлз позволил отвести себя от трупа. Разъяренный гвардеец был благодарен ему хотя бы за это и невольно ответил:

– Это ба Лура, старшее ба из прислужниц Небесной Госпожи. Ба служило ей шесть десятков лет и, похоже, хотело служить и дальше – в смерти. Только очень уж безвкусно – совершить это здесь. – Гем-офицер отконвоировал Майлза обратно к вновь затормозившей цепи делегаций, куда тот

был немедленно втянут длинной рукой Айвена.

– Что здесь, черт возьми, происходит? – прошипел Айвен ему на ухо.

«И где, интересно, вы находились в момент убийства, лорд Форкосиган?»

Правда, это не выглядело как убийство, скорее как настоящее самоубийство, только очень архаичное по исполнению. Не более получаса назад. Как раз тогда, когда он отсутствовал, беседуя с белым пузырем, который мог быть, а мог и не быть аут-леди Райан Дегтиар. Коридор, по которому они теперь шли, казался извилистым, хотя Майлз приписал это своему состоянию.

– Вам не стоило покидать процессию, – мрачно заявил Форобио. – Кстати, что вы там увидели?

Майлз скривил губы, но тут же, опомнившись, принял вполне серьезный вид:

– Одно из преданных покойной вдовствующей императрице ба перерезало себе глотку у подножия ее саркофага. А я и не знал, что у цетагандийцев в моде человеческие жертвоприношения. Разумеется, неофициальные.

Форобио сложил губы трубочкой, как бы собираясь присвистнуть, но вместо этого чуть улыбнулся.

– Как хлопотно для них, – пробормотал он. – Сколько усилий им теперь придется приложить в попытках спасти церемонию.

«Вот-вот. Если старое существо было так предано хозяй-

ке, кой черт оно совершило то, что – оно не могло не знать этого – вызовет сильное раздражение ее господ? Месть собственной жизни? Если подумать, на Цетаганде это безопаснее всего...»

Ко времени, когда они, обогнув центральную башню, попали в Восточный павильон, ноги совершенно замучили Майлза. Целая армия слуг, двигавшихся чуть быстрее, чем того требовал этикет, помогала нескольким сотням делегатов со всей галактики занять отведенные им места за столами. Поскольку некоторые из даров в руках у делегатов оказались даже более громоздкими, чем баррарыйский футляр с мечом, процесс размещения шел медленно, к откровенному неудовольствию слуг. Майлз представлял себе, как где-то в недрах здания армия вспотевших цетагандийских поваров извергает цветистые цетагандийские проклятия.

Майлз заметил делегацию Вервана – те сидели не так далеко от них. Воспользовавшись суматохой, он выскользнул из своего кресла и, обойдя несколько столов, попытался обменяться несколькими словами с Миа Маз.

– Добрый день, миледи Маз. Мне надо поговорить...

– Лорд Форкосиган! Я как раз хотела... – выпалили они одновременно.

– Сначала вы, – поклонился Майлз.

– Я пыталась дозвониться к вам в посольство, но вы уже ушли. Вы имеете представление о том, что случилось в ротонде? Неслыханное дело, чтобы цетагандийцы внесли изме-

нения в ход такой церемонии.

– У них не было выхода. Ну, допустим, они могли бы проигнорировать труп – лично я считаю, так было бы даже внушительнее, – но они, судя по всему, решили сначала прибраться.

Майлз снова повторил то, что про себя уже назвал «официальной версией» самоубийства ба Лура, чем мгновенно привлек внимание всех сидевших за столом. Ну и черт с ним, все равно слух о случившемся разойдется очень быстро, так что нет смысла умалчивать.

– Вам удалось найти ответ на вопрос, который я задавал вам вчера вечером? – продолжал Майлз. – Я... я понимаю, сейчас не время и не место...

– Да и еще раз да, – ответила Маз.

«Только не по местной сети головидеосвязи, – подумал Майлз. – Прослушивают ее или нет».

– Вам не трудно было бы заглянуть прямо после этой церемонии к нам в барраярское посольство? Мы могли бы попить чаю...

– Эта мысль представляется мне замечательной, – улыбнулась Маз, глядя на него с возрастающим интересом.

– Мне позарез нужен урок этикета, – добавил Майлз для любопытных ушей по соседству.

В глазах Маз блеснули веселые искорки.

– Так мне и говорили, милорд.

– Кто?.. – начал он и осекся. «Ясное дело, Форобио». –

Всего хорошего, – закончил он и поспешил на свое место.

Форобио одарил его уничтожающим взглядом, но смолчал.

Ко времени, когда они отведали около двадцати деликатесов – количество перемен компенсировало крошечные порции, – цетагандийцы привели все в порядок. Седой мажордом явно принадлежал к тем полководцам, чьи таланты ярче всего проявляются в безвыходных ситуациях, ибо он ухитрился выстроить всех в надлежащем порядке по старшинству, несмотря на то что процессия теперь двигалась через ротонду в обратном направлении. В общем, если мажордом и собирался перерезать себе горло, то позже, в надлежащем месте и с надлежащими церемониями, а вовсе не в этой непристойно поспешной манере.

Майлз положил кленовый футляр на малахитовый пол на втором витке растущей спирали из даров, в метре от того места, где ба Лура рассталось с жизнью. Идеально отполированный, без намека на пятнышко пол не был даже сырым. Интересно, успела цетагандийская охранка обследовать место или кто-то специально рассчитал все так, чтобы в спешке были уничтожены даже малейшие улики?

«Черт, хотелось бы мне вести это дело».

Белые аэроплатформы уже дожидались посланников с другой стороны Восточного павильона, чтобы отвезти их обратно к воротам Райского Сада. Вся церемония затянулась всего на час, но ощущение времени у Майлза нарушилось

уже с первого взгляда на Ксанаду. Ему казалось, будто под куполом прошла сотня лет, в то время как в окружающем мире только-только миновало утро. Сержант-водитель Форобио подогнал к ним машину. Майлз блаженно рухнул в кресло.

«Когда вернемся домой, эти проклятые сапоги придется срезать».

Глава 4

– Тяни! – выдохнул Майлз и стиснул зубы.

Айвен обеими руками вцепился в сапог, уперся коленом в спинку кровати и дернул.

– У-у-у!

– Больно? – ослабил хватку Айвен.

– Да, черт подрал, тяни!

Айвен смерил Майлза критическим взглядом:

– Может, поднимешься наверх, к посольскому врачу?

– Потом. Я не намерен отдавать свои лучшие сапоги на растерзание этому коновалу. Тяни.

Айвен снова взялся за дело и в конце концов стащил сапог. С минуту он задумчиво созерцал его, потом лицо его расплылось в улыбке.

– Эй, знаешь, тебе ведь не снять второй без моей помощи.

– Ну и что?

– Ну и... выкладывай.

– Выкладывать? Что?

– Зная твое чувство юмора, я ожидал, что лишний труп в склепе развлечет тебя не меньше, чем Форобио. Но вид у тебя был по возвращении... словно ты увидел призрак своего деда.

– Ба с перерезанной глоткой – не самое приятное зрелище.

– Я-то думал, ты видал зрелища и пострашнее.

«О да».

Майлз уставился на еще обутую ногу – болела она отчаянно – и прикинул, не стоит ли ему выкарабкаться в коридор в поисках более сговорчивого помощника. Вряд ли. Он вздохнул.

– Страшнее – да. Но не настолько дикие. Ты бы тоже обратил на это внимание. Мы уже встречались с ба вчера – ты и я. Ты дрался с ним в капсуле.

Айвен покосился на пульт, в ящике которого лежал загадочный жезл.

– Тогда ясно. Надо рассказать Форобио.

– Если это было то самое ба, – поспешно возразил Майлз. – Насколько мне известно, цетагандийцы клонируют своих слуг. Вполне возможно, то, с которым мы встречались вчера, приходилось сегодняшнему близнецом.

– Ты так считаешь?

– Не знаю. Но знаю, кто помог бы мне в этом. Дай мне разобраться самому. Еще немного, пожалуйста. Я просил Миа Маз из верванского посольства заглянуть ко мне. Если ты не спешишь... я бы просил тебя присутствовать при разговоре.

Айвен задумался.

– Сапог! – напомнил Майлз, не давая тому опомниться.

Айвен механически помог ему разуться.

– Ладно, – произнес он нехотя. – Но после разговора мы немедленно заявим в Имперскую безопасность.

– Айвен, я и есть Имперская безопасность, – возмутился Майлз. – Три года подготовки и боевой опыт. Ты что, забыл? Уж пожалуйста, поверь, что иногда и я знаю, что делаю. – «Хотелось бы мне самому знать, что я делаю». Интуиция – великое дело, но Майлз прекрасно понимал, что в глазах окружающих она вряд ли послужит оправданием его поступков. – Дай мне шанс.

Айвен вышел в свою комнату переодеться, так и не пообещав ему ничего. Разутый Майлз прополз в ванную проглотить еще несколько болеутоляющих таблеток, после чего смог наконец освободиться от траурного мундира.

Айвен вернулся почти сразу же, но прежде чем он успел задать хоть один вопрос, на который Майлз не мог ответить, или выдвинуть предложение, которое Майлз не мог принять, загудел зуммер на пульте связи. Звонили из вестибюля.

– Лорд Форкосиган? К вам Миа Маз, – сообщил охранник. – Она говорит, вы ее приглашали.

– Совершенно верно. Гм... будьте добры, проводите ее, пожалуйста, сюда.

Интересно, прослушивается ли его комната? Не хотелось бы лишних расспросов. Впрочем, вряд ли. Если Имперская безопасность контролировала все его контакты, ему бы дали уже это понять: либо в отделе СБ этажом ниже, либо лично Форобио. Комната должна гарантировать конфиденциальность – за возможным исключением систем связи. Все коммуникации в посольстве наверняка прослушиваются.

Сотрудник посольства проводил Маз до их двери, и Майлз с Айвеном поспешили усадить ее поудобнее. Майлз дипломатично избежал от посольского, отослав его за чаем и – по просьбе Айвена – за вином.

– Спасибо, что пришли, миледи Маз.

– Просто Маз, – улыбнулась она в ответ. – У нас на Верване не привыкли к таким титулам. Боюсь, мы не слишком серьезно их воспринимаем.

– Должно быть, лично вам это все-таки удастся: иначе как бы вы смогли действовать здесь так успешно?

– Да, милорд, – улыбнулась она ему.

Ну да, Верван ведь одна из так называемых демократий, пусть и не настолько оголтелых, как у бетанцев.

– Моя мать, возможно, согласилась бы с вами, – предположил Майлз. – Она не видела бы особой разницы между двумя трупами в ротонде. Если не считать, конечно, того, как они там оказались. Насколько я понял, этого самоубийства никто не ожидал?

– Случай совершенно беспрецедентный, – согласилась Маз, – а если вы знаете цетагандийцев, вы поймете, насколько это сильное выражение.

– Значит, цетагандийские слуги не имеют обыкновения следовать за своими господами в иной мир, как это делали когда-то язычники?

– Мне кажется, ба Лура было чрезвычайно привязано к императрице, прослужив ей столько лет, – сказала Маз за-

думчиво. — Так давно... никого из нас еще на свете не было.

— Айвен интересовался, правда ли, что цетагандийцы кло-нируют своих слуг?

Айвен бросил на Майлза укоризненный взгляд, но смолчал.

— Гем-лорды — иногда, — ответила Маз, — но не аут-лорды и, уж во всяком случае, не в императорской семье. Для них каждый слуга — такое же произведение искусства, как и любой другой предмет, которыми они себя окружают. В Райском Саду все должно быть уникальным, по возможности ручного изготовления и безупречного качества. К живым объектам это тоже относится. Поточные изделия они оставляют низам. Не уверена, что это справедливо, но в мире, переполненном мнимыми реальностями и бесконечными повторениями, это как глоток свежего воздуха. Им бы только поменьше снобизма по этому поводу.

— Кстати, об искусстве, — произнес Майлз. — Вы, кажется, говорили, что вам удалось идентифицировать тот символ?

— Да. — Она остановила взгляд на его лице. — Где, лорд Форкосиган, вы сказали, вы его видели?

— Я его не видел.

— Гм... — Она чуть улыбнулась, но не стала уточнять. — Это Печать Звездных Ясель — предмет, с которым редко сталкиваются чужестранцы. Точнее, чужестранцы с ним не сталкиваются вообще. Это чрезвычайно сокровенный предмет.

«Так-так, запомни».

– Реликвия аутов?

– И еще какая.

– И... гм... а что это такое – Звездные Ясли?

– Как, вы не знаете? – Маз казалась удивленной. – А я-то думала, вы только и делаете, что изучаете цетагандийские государственные тайны.

– Ну, не все время, но... – вздохнул Айвен.

– Звездные Ясли – это неофициальное название генного банка расы аутов.

– Ах вот оно что! Этого-то я и боялся. Они что, хранят собственные копии?

– Нет, Звездные Ясли значат для них гораздо больше. Ауты в отличие от обычных людей не договариваются напрямую, чью яйцеклетку чьей спермой оплодотворять перед закладкой в репликатор. Любое генетическое скрещивание является предметом особых переговоров, контрактов, заключаемых главами двух генетических линий – цетагандийцы называют их созвездиями, хотя вы, барраярцы, кажется, зовете их кланами. Эти контракты, в свою очередь, должны быть одобрены императором, точнее, старшей женщиной августейшей семьи и заверены Печатью Звездных Ясель. Последние полвека, с момента восшествия на престол нынешней династии, эту роль исполняла Лизбет Дегтиар, мать императора. И это не пустая формальность: все генетические изменения – а аут-лорды идут на них то и дело – должны быть предварительно исследованы придворными генети-

ками. Вы спрашивали меня, имеют ли женщины аут-расы какую-нибудь власть. Вдовствующая императрица обладала правом вето на каждое оплодотворение аутов.

– А император? Он не мог влиять на ее решения?

Маз потрогала пальцем губу.

– Честно говоря, я не знаю. Раса аутов крайне ревностно хранит свои тайны. Если какая-то закулисная борьба и имеет место, это не выходит за врата Райского Сада. Во всяком случае, я о таком не слышала.

– Тогда... кто же теперь будет этой старшей леди? Кто унаследует печать?

– Ага! Вы коснулись весьма интересной темы. Этого не знает никто; по крайней мере император еще не делал официального заявления. Печать должна храниться у матери императора при ее жизни, а в случае ее смерти – у матери наследника. Однако официального наследника император еще не выбрал. Печать Звездных Ясель вместе с прочими регалиями покойной императрицы должны передать новой старшей аут-леди на последнем этапе погребальных церемоний, так что у него остается еще десять дней, чтобы сделать выбор. Представляю себе, какая борьба идет сейчас между аут-леди: ведь пока не свершится эта передача, не может быть заключено ни одного генетического контракта.

– У императора трое сыновей, ведь так? Значит, он должен выбрать одну из их матерей? – подумав, спросил Майлз.

– Не обязательно, – возразила Маз. – Он может передать

все одной из своих теток.

В дверь вежливо постучали – принесли чай. К нему посольская кухня прислала небольшой трехъярусный поднос с крошечными пирожными. Кто-то неплохо знал вкусы постоянных клиентов, ибо Маз промурлыкала: «Ого, мои любимые!» – и, несмотря на недавнее угощение в Райском Саду, протянула руку к подносу. Посольский слуга разлил чай по чашкам, откупорил бутылку и исчез.

– Но разве аут-лорды не женятся? – чуть не с испугом спросил Айвен. – Эти генетические контракты заменяют им брак?

– Ну... нет. – Маз запила чаем третье пирожное. – Контракты бывают разного рода. Простейший – на разовое использование чьего-то генома. Родившийся в результате этого ребенок становится... не хотелось бы употреблять слово «собственность»... скажем так: его регистрируют как члена созвездия отца, где он и развивается. Видите ли, такие решения принимаются не рядовыми членами клана; собственно говоря, родители могут ни разу в жизни не встретиться. Эти контракты заключаются высшим руководством созвездия, старейшими и соответственно мудрейшими его членами, следящими за тем, чтобы выбрать наиболее перспективную генетическую линию.

Другой крайностью является пожизненная – или дольше – монополия, имеющая место в семье императора. Когда какую-либо аут-леди выбирают как мать потенциального на-

следника, контракт является абсолютно эксклюзивным: ее геном не должен был использоваться ранее и не может быть использован впоследствии, если только сам император не захочет от нее еще одного ребенка. Остаток жизни она должна прожить в Райском Саду, в собственном павильоне.

– Это награда, – наморщил лоб Майлз, – или наказание?

– Это самая большая удача, которая может выпасть на долю аут-леди: шанс сделаться вдовствующей императрицей, в случае если ее сын – а это всегда только сын – будет избран наследником. Даже стать матерью проигравшего – принца-кандидата или сатрап-губернатора – не так плохо. Вот почему в этом откровенно патриархальном обществе основные надежды аут-созвездий связаны с девушками. Глава созвездия – вождь клана, говоря барраярскими терминами, – никогда не станет императором или отцом императора, какими бы достоинствами ни блистали его сыновья. А вот через дочерей у него есть шанс сделаться дедом императора. И как вы понимаете, эти преимущества распространяются и на созвездие императрицы. Пятьдесят лет назад роль Дегтиаров была куда скромнее нынешней.

– Выходит, у императора есть сыновья, – размышлял вслух Майлз, – но все остальные помешаны на дочерях. И только раз или два в столетие, при восшествии нового императора, у них появляется шанс выиграть.

– Приблизительно так.

– Но тогда... какую же роль играет во всем этом секс? –

ужаснулся Айвен.

– Никакой.

– Никакой?!

Маз рассмеялась его реакции:

– Да, ауты вступают в половые отношения, и иногда их даже можно квалифицировать почти как брак. Я бы сказала, у них не существует никаких формальностей, если не считать того, что связанные с этим требования этикета чрезвычайно сложны. Правда, они хранят это в тайне, так что я плохо знакома с этим вопросом. К счастью, ауты – отъявленные расисты, ревностно блюдущие свой генофонд, так что вам не придется сталкиваться с этим.

– О... – вздохнул Айвен. Похоже, эта информация его разочаровала. – Но... если ауты не женятся и не имеют семей, как и когда они покидают свой дом?

– Никогда.

– Ого! Вы хотите сказать, они живут с... гм... со своими, так сказать, матерями безвылазно?

– Ну не с матерями, конечно. С дедами или прадедами. Но молодежь – в возрасте до пятидесяти лет – живет на попечении своего созвездия. Я подозреваю, что именно это служит причиной обособленности старших аутов. Они живут сами по себе, поскольку могут наконец себе это позволить.

– Но как тогда насчет всех этих легендарных гем-генералов и гем-лордов, завоевывавших в жены аут-леди? – спросил Майлз.

Маз пожала плечами:

– Они ведь не могут рассчитывать сделаться матерью императора, верно? Кстати, вот персональный вопрос вам, лорд Форкосиган: вам не приходилось задумываться над тем, как это ауты, не отличающиеся особой воинственностью, главенствуют над военачальниками из гем-расы?

– Ну да. С того момента, когда я узнал об этой сумасшедшей цетагандийской двухпалубной аристократии, я все жду, что она вот-вот развалится сама собой. Как можно править штыками с помощью изящных искусств? Как может кучка надушенных поэтесс вроде здешних аут-лордов пасти целые полки гемов?

– Цетагандийские гем-лорды назвали бы это должной верностью по отношению к превосходящей культуре и цивилизации, – улыбнулась Маз. – На деле же любой, кто наберет достаточно власти, чтобы представлять мало-мальскую угрозу, вовлекается аутами в генетическое родство. Нет в цетагандийской системе ценностей высшей награды, чем получить от империи в жены аут-леди. Гем-лорды просто бредят этим. Это высшее, чего они могут добиться в социальном и политическом плане.

– То есть вы хотите сказать, ауты контролируют гемов через их жен? – удивился Майлз. – Поймите, я не сомневаюсь, что аут-леди милы и все такое, но гем-генералы... они могут быть настолько прожженными твердолобыми вояками... не могу поверить, чтобы кто-то в Цетагандийской империи мог

крутить ими.

– Если бы я знала, как аут-леди делают это, – вздохнула Маз, – я бы разбогатела, торгуя этим секретом. Нет, лучше я поберегла бы его для себя. В общем, несколько последних веков эта система срабатывала. Разумеется, это не единственный способ контроля над империей, только самый наглядный и, на мой взгляд, значительный. Без него ауты были бы ничем.

– Кстати, полагается ли за невестами из аутов приданое? – поинтересовался Майлз.

Маз улыбнулась и положила в рот еще пирожное.

– Вы коснулись весьма существенной детали, лорд Форкосиган. Никакого.

– Полагаю, содержать жену из аутов в условиях, к которым она привыкла, может оказаться весьма накладно.

– Очень даже.

– Выходит... если цетагандийский император захочет прижать какого-нибудь слишком уж удачливого лорда, он может наградить его несколькими женами из аутов и тем самым разорить?

– Ну, не думаю, чтобы все было так просто. Но доля истины в этом есть. Вы весьма проницательны, милорд.

– А что же думает на этот счет сама аут-леди, когда ее передают с рук на руки как престижный товар? – спросил Айвен. – Я имею в виду, если предел мечтаний аут-леди сделаться собственностью императора, это же полностью про-

тивноположное дело. Оказаться навечно вычеркнутой из генома аутов – ведь их потомки никогда не вернутся в эту расу, правда?

– Нет, – кивнула Маз. – Я думаю, психология всего этого достаточно запутанна. Ну, для начала невеста из аутов сразу же становится первой по сравнению с другими женами, которые могли уже быть у гем-лорда, так что ее дети автоматически становятся наследниками. Это может вызвать некоторое напряжение в семье, особенно в случае – а чаще всего так и случается, – если брак имеет место в зрелом возрасте, когда остальные брачные связи лорда достаточно устоялись.

– Должно быть, гем-леди пуще всего боятся, как бы кто из аут-леди не положил глаз на их мужа, – задумчиво сказал Айвен. – Они не сопротивляются? Может, они в состоянии заставить мужа отказаться от такой чести?

– Увы, от такой чести невозможно отказаться.

– М-м... – Майлз не без усилия отогнал всякие побочные мысли и вернулся к своей основной проблеме: – Эта Печать Звездных Ясель... у вас, наверное, нет ее изображений?

– Я принесла несколько голодисксов, милорд, – ответила Маз. – Если вы не против, мы могли бы посмотреть их на вашем мониторе.

«Ух ты, уважаю деловых женщин. У вас, часом, нет младшей сестры, миледи Маз?»

Вслух же Майлз произнес лишь:

– Да, будьте добры.

Они перешли к комм-пульту, и Маз прочитала им краткую иллюстрированную лекцию по геральдике аутов.

– Вот она, милорд, – Печать Звездных Ясель.

Над дисплеем возник кубический предмет со стороны приблизительно в пятнадцать сантиметров со знакомым силуэтом птицы на одной из граней; линии рельефа были окрашены в красный цвет. Ничего похожего на таинственный жезл. Майлз облегченно вздохнул. Ужас, охвативший его при мысли о том, что они с Айвенком ненароком вляпались в историю с кражей имперских регалий, отпустил. Разумеется, жезл также имел для империи некоторую ценность, из-за чего его следовало вернуть – анонимно и без шумихи. Но по крайней мере...

Маз тем временем высветила на дисплее новый кадр.

– А этот предмет – Большой Ключ Звездных Ясель, передаваемый вместе с Печатью.

Айвен поперхнулся вином. Майлз, надеясь, что не побледнел, облокотился на пульт и не сводил взгляда с предмета на экране, оригинал которого лежал всего в нескольких сантиметрах от его руки, в ящике.

– А этот... Ключ, что это такое, миле... Маз? – по возможности непринужденнее спросил Майлз. – Для чего он предназначен?

– Не знаю точно. Одно время мне казалось, что он имеет какое-то отношение к генной информации аутов, но вряд ли у него теперь какое-то иное назначение, кроме церемониаль-

ного: ему уже больше двухсот лет. Скорее всего Ключ лишен практического смысла.

«Надеюсь». Слава Богу, он не выкинул его. Пока что.

– Ясно.

– Майлз... – прошипел Айвен.

– Потом, – прошептал Майлз в ответ уголком рта.

Айвен порывался сказать еще что-то, беззвучно шевеля губами над головой у сидевшей Маз.

Майлз привалился к пульту и без особого труда изобразил на лице страдание.

– Что-то не так, милорд? – забеспокоилась Маз.

– Боюсь, ноги беспокоят. Немного. Пожалуй, мне стоит показаться посольскому врачу.

– Может, нам лучше продолжить в другой раз? – вежливо предложила Маз.

– Ну... если честно, я думаю, что я получил все уроки этикета, какие был способен усвоить за один вечер.

– Боюсь, вечера может не хватить, – улыбнулась Маз. Судя по всему, Майлз был вполне убедительно бледен, поскольку она поднялась с места. – Если говорить точнее, не хватит и нескольких. Вас сильно тревожат ожоги? Я не думала, что это так серьезно.

Вместо ответа Майлз виновато пожал плечами. После приличествующих случаю прощальных фраз и обещаний в скором времени вновь обратиться к помощи верванской наставницы Айвен принял на себя роль хозяина и проводил

Маз к выходу.

Однако он очень скоро вернулся, запер за собой дверь и, гневно тыча пальцем в грудь Майлзу, закричал:

– Ты хоть соображаешь, во что мы вляпались?

Майлз, не отвечая, перечитывал сухое и, как это обычно бывает, весьма неточное описание Большого Ключа, в то время как объемное изображение последнего висело в воздухе перед его носом.

– Да, – отозвался он наконец. – И еще я знаю, как нам из этого выбираться. Может, ты тоже знаешь?

Это заставило Айвена замолчать.

– Что ты еще знаешь, чего не знаю я?

– Если ты предоставишь все это мне, я полагаю, что смогу вернуть вещь законному владельцу без лишних свидетелей.

– Судя по тому, что говорила Маз, ее законным владельцем является сам император Цетаганды.

– Ну, формально, да. Я неточно выразился: законной хранительнице. Которая, насколько я понимаю, настолько же напугана утерей Ключа, как мы – его находкой. Если бы мне удалось вернуть Ключ без лишнего шума, не думаю, чтобы она объявляла о пропаже. Хотя... хотелось бы мне знать, как это она его потеряла... – Что-то тут не складывалось, что-то неуловимое.

– Мы отобрали его у ее слуги, вот как!

– Верно, только вот что делало ба Лура с этой штукой на орбитальной станции? Почему оно разбило контрольные мо-

ниторы на причале?

– Лура везло куда-то Ключ, это ясно. Если это Большой Ключ, значит, везло к Большому Замку. – Айвен обошел пульт. – Поэтому бедное создание поутру перерезало себе глотку: оно утратило то, что ему доверили, – и все из-за нас... Черт, Майлз, я ощущаю себя его убийцей. И это при том, что оно не причинило нам никакого вреда, только заблудилось и по ошибке напугало нас.

– Значит, вот как все случилось, – пробормотал Майлз. – Думаешь, так?... – «Может быть, поэтому я так хотел другого объяснения этой истории?»

Впрочем, все сходилось. У старого ба, которому поручили транспортировку драгоценной реликвии, его отобрали какие-то варвары-иностранцы. Ба призналось в этом своей госпоже и в отчаянии наложило на себя руки. Правдоподобно. Майлзу сделалось дурно.

– Ну... если уж Ключ так важен, почему ба везло его не в сопровождении взвода гем-гвардейцев?

– Господи, Майлз, хотелось бы мне, чтобы они там были. В дверь постучали. Майлз поспешно вырубил монитор и отомкнул дверь.

– Войдите!

В комнату вошел Форобио и отвесил им положенный легкий поклон. В руке он держал несколько ароматных листков бумаги приятного цвета.

– Добрый вечер, милорды. Надеюсь, встреча с Маз оказа-

лась полезной?

– Да, сэр, – откликнулся Майлз.

– Хорошо. Я так и думал. Она бесподобна. – Форобио помахал в воздухе бумажками. – Пока вы беседовали, вам обоим пришли приглашения от лорда Йенаро. Вместе с обилием извинений по поводу инцидента, имевшего место вчера. Кстати, служба безопасности посольства распечатала эти конверты, просканировала содержимое и сделала химический анализ. Угрозы вашему здоровью нет. – Успокоив их таким образом, он вручил бумаги Майлзу. – Ваше дело, принимать приглашение или нет. Если вы считаете, что тот побочный эффект силового поля скульптуры был случайностью, ваше присутствие там не помешало бы. Это означало бы, что извинения приняты, а отношения нормализованы.

– О, мы пойдем. – Извинения с приглашением были написаны от руки самым изящным цетагандийским каллиграфическим почерком. – Но я буду начеку. Да, кстати, полковник Форриди вернулся?

Форобио поморщился:

– У него возникли некоторые осложнения. Однако в связи со странными вчерашними событиями в мэрилакском посольстве я послал ему на смену одного из своих сотрудников. Он будет завтра. Кстати... не пригодится ли вам телохранитель? Разумеется, не открыто, во избежание лишних обид.

– Гм... нам же положен водитель, верно? Пусть это будет один из ваших подготовленных людей, и пусть в непосред-

ственной близости ждет подкрепление, дайте нам обоим по передатчику с экстренным вызовом – думаю, этого хватит.

– Хорошо, лорд Форкосиган. Я распоряжусь, – кивнул Форобио. – И... учитывая инцидент в ротонде...

Сердце у Майлза екнуло.

– Да?

– Пожалуйста, постарайтесь больше не лезть куда не положено.

– Вы получили протест? – «От кого, интересно?»

– Рано или поздно начинаешь понимать невысказанное. Цетагандийцы сочли нетактичным заявлять протест, однако последовательное накопление подобных неприятных инцидентов может вызвать некоторую реакцию, пусть и не прямую. Вам через десять дней улетать, а мне оставаться. Постарайтесь, пожалуйста, не усложнять мою работу – она и без того непроста. Ладно?

– Слушаюсь, сэр, – бодро отчеканил Майлз.

Айвен казался расстроенным... может быть, он готов сложиться и признаться во всем Форобио? Впрочем, нет: посол вышел из комнаты, а Айвен так и не бросился ему в ноги.

– Кой черт иметь телохранителя, который будет лишь «где-то поблизости»? – буркнул Айвен, стоило двери хлопнуться.

– Ага, ты начинаешь смотреть на это моими глазами. И все же, отправляясь к Йенаро, я не могу избежать риска. Мне придется есть, пить, дышать – все это пути нападения,

при которых никакая охрана не поможет. Так или иначе, самой лучшей защитой мне будет то, что убийство галактического посланника на похоронах августейшей матушки императора нанесет слишком серьезный удар по нему самому. Я думаю, если что-нибудь и случится, это будет таким же несерьезным и относительно безвредным. – «И так же будет сводить с ума».

– Ты думаешь? Ты считаешь то, что было, безвредным? – Айвен даже смолк от возмущения. – Ты что, считаешь... что эти инциденты связаны между собой? – Айвен мотнул головой сначала в сторону надушенных бумаг в руках у Майлза, потом в сторону ящичка у пульта связи. – Честно говоря, я не понимаю как.

– Так по-твоему, это цепочка случайных совпадений?

– Гм, – нахмурился Айвен, переваривая эту мысль. – Скажи лучше, – он опять махнул в сторону ящичка, – как ты намерен избавиться от этого императрициного вибратора?

Майлз криво усмехнулся подобному завершению фразы. Совершенно в духе Айвена.

– Э-э... пока не скажу. – «Потому что сам не знаю как». Впрочем, аут-леди Райан Дегтиар уже думает – во всяком случае, должна думать – как. Майлз как бы невзначай коснулся пальцем серебряного Глаза Гора – значка Имперской безопасности – на черном воротнике. – Тут затронута честь дамы.

Айвен скорчил недовольную гримасу.

– Вот засранец! Ты что, выполняешь тайное поручение Саймона Иллиана?

– Если бы выполнял, я бы сказал тебе, разве нет?

– Черт бы меня побрал, если я знаю. – Айвен с минуту удрученно молчал, потом пожал плечами: – В конце концов, это твои похороны, не мои.

Глава 5

– Остановите здесь, – попросил Майлз водителя.

Машина свернула к обочине и с мягким шелестом вентиляторов опустилась на мостовую. Майлз разглядывал загородное поместье лорда Йенаро, сравнивая его в уме с картой, которую он изучал в барраярском посольстве.

Окружавшие поместье ограда и зеленая изгородь были скорее условной границей, нежели реальной защитой. Это место никогда не задумывалось как крепость – только как символ статуса.

– Проверим связь, милорды, – напомнил водитель.

Майлз с Айвеном вынули из карманов комм-линки и нажали на кнопки. На приборной доске машины вспыхнул сигнал.

– Отлично, милорды.

– Как с подкреплением? – поинтересовался Майлз.

– Три человека в пределах радиослышимости.

– Надеюсь, в состав включен врач?

– Дежурит на борту флайера. Я могу посадить его во дворе лорда Йенаро за сорок пять секунд.

– Неплохо. Не думаю, чтобы они нападали в лоб, но не удивлюсь, если приключится очередной небольшой «несчастный случай». Ладно, отсюда мы пройдемся пешком. Хочу получше ознакомиться с местностью.

– Да, милорд. – Водитель откинул колпак кабины; Айвен и Майлз вышли и огляделись еще раз.

– Это что, и есть так называемое благородное запустение? – удивился Айвен, созерцая никем не охраняемые ворота и несколько разбитую дорогу, ведущую к дому.

И верно. Могут меняться стили, но дух упадка аристократии везде один и тот же. Повсюду виднелись следы разрушения: покосившаяся створка ворот, облезлые стены, неряшливо подстриженные кусты. В довершение всего две трети окон особняка были темны.

– Форобио поручил посольскому отделу безопасности навести справки о лорде Йенаро, – сообщил Майлз. – Дед Йенаро – тот самый генерал-неудачник – оставил ему поместье, но не средства на его содержание, промотав свой капитал в годы долгой, но не очень радостной старости. Йенаро владеет поместьем единолично около четырех лет. Он окружил себя толпой молодых художников и безденежных гем-лордов, и больше про него ничего особенного не скажешь. Интересно только то, что эта штука в мэрилакском посольстве является его первой известной скульптурной работой. Недурно для первого опыта, ты не находишь?

– Если ты считаешь, что это было ловушкой, кой черт тебе лезть в следующую?

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, Айвен.

– И что ты надеешься с этого иметь?

– Истину. Красоту. Как знать? Кстати, служба безопасно-

сти посольства пытается узнать, кто же на самом деле изваял эту скульптуру. Думаю, они уже раскопали что-нибудь.

По крайней мере он смог задействовать всю мощь посольской системы безопасности. Жезл отчаянно жег ему внутренний карман. Он тайно таскал с собой Ключ весь день: и в поездке по городу, и на неизбежном дневном представлении цетагандийского театра классического балета – последнее давалось по указу императора специально для прибывших со всей галактики гостей. Однако аут-леди Райан Дегтиар так и не связалась с ним, несмотря на обещание. Если он не услышит о ней завтра... С одной стороны, Майлз жалел, что не использовал возможностей посольских специалистов с самого начала. Но если бы он поступил так, его проблема сделалась бы и чужим достоянием. Решения принимались бы помимо него, на более высоком уровне.

«Очень уж тонок лед. Не хочу пока, чтобы по нему шел кто-то тяжелее меня».

У входа в особняк их встретил слуга и проводил в вестибюль, где их приветствовал сам хозяин. Йенаро был в темных одеждах, похожих на те, что были на нем в мэрилакском посольстве. Айвен в своем зеленом мундире также выглядел безупречно. Майлз выбрал черный родовой мундир. Он не знал, как истолкует это Йенаро: как оказанную ему честь, как напоминание – «Я официальное лицо» – или как предупреждение – «Со мной не связывайся!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.